

Александров И.В.

История
**Преображенского
мужского монастыря**
в урочище Кипячее
(1918-1934)

Киев, 2018

УДК 2-523.6(477.42)(091)

*К 100-летию со дня
основания Кипяческого Спасо-
Преображенского мужского
монастыря, на молитвенную
память от настоятеля
Казанской иконы Божией
Матери мужского монастыря
в урочище Кипячее —
игумена Евстратия и братии.*

Книга посвящена истории Спасо-Преображенского мужского монастыря в урочище Кипячее села Чоповичи Малинской волости Радомысльского уезда Киевской губернии. Основан монастырь в годы гражданской войны (1918-1921) православными крестьянами и афонским иеромонахом Константином (Чоповским). За 17-летнюю историю монастырь был уничтожен и вновь возродился. Книга раскрывает обстоятельства основания и развития обители.

© Александров И.В.

История Преображенского мужского монастыря
в урочище Кипячее (1918-1934). – Киев, 2018.

Предисловие

История Православной церкви в СССР (1917-1991) является исключительным периодом в её жизни. На новых экономических и идеологических принципах было образовано советское государство и общество. В 20-30 гг. XX ст. одним из аспектов государственной политики было насаждение в стране атеизма, уничтожение церковно-образовательной системы и монастырей, политические репрессии духовенства. Новые исторические условия ставили проблемные вопросы перед духовенством и мирянами. В Православной Церкви и обществе шла дискуссия о возможности существования Церкви в условиях социалистического государства, её месте в структуре нового общества. Ответы на эти вопросы давали не только епископы, знаменитые богословы и священники, но и монашество, православные верующие.

В годы гражданской войны (1917-1921), когда монастыри грабили и закрывали, полесские православные крестьяне и монахи создали Кипячский Спасо-Преображенский мужской монастырь, который стал их ответом на проблемные вопросы современности. В истории обители воплотился дух православного народа, его идейная жизнь и творческая одаренность.

Сложность изучения истории Кипячского Спасо-Преображенского мужского монастыря Киевской епархии заключалась в том, что до сих пор не было цельного и обстоятельного исследования истории этой обители, крайне мало воспоминаний или дневниковых записей о ней, невероятно

скудна источниковая база. В силу этого целый ряд вопросов остаётся без ответов.

Представленная работа является плодом коллективных трудов исследователей, архивных работников и церковных деятелей. В исследовательской работе приняли участие настоятель мужского монастыря в честь Казанской иконы Божией Матери в урочище Кипячее Овручской епархии игумен Евстратий (Кондаков) и ряд насельников обители. Большой вклад внесли краеведы Бовсуновский А.А., Маркевич Е.И., Тимиряев Е.Р., историки Киевской епархии доктор экономических наук Кальченко Т.В. и Паршутина Е.Н. Значительно помогли профессиональные советы кандидатов исторических наук Крайнего К.К. и Крайней О.А.

Надеемся, что работа «История Спасо-Преображенского мужского монастыря в урочище Кипячее (1918-1934)» внесёт свой вклад в изучение истории Православной Церкви в СССР.

Глава 1. **Знаменательное событие в урочище Кипячее**

1.1. **Село Чоповичи в начале XX ст.**

Древнее село Чоповичи могло существовать ещё во времена древней Руси. Об этом свидетельствует предание села. В нём говорится, что в 13 в. во время татаро-монгольского нашествия Чоповичи были сожжены. Некая женщина вынесла из горящей церкви образ Божией Матери и спрятала его в лесу в дупле дерева [1, 85].

Одной из особенностей села было то, что в нём жило много дворян (на 1861 г. 3063 обоего пола). «И каждый из них, имея только воспоминания дворянские, ничем не отличается от окрестных поселян – ни образованием, ни способом хлебопашества, ни даже одеждой и внешним видом, имея лишь несколько большее довольство в жизненных потребностях, как последствие свободного труда и владения собственным куском земли», – писал краевед Киевской губернии священник Лаврентий Похилевич. Он сравнивал социальный статус этих дворян с государственными крестьянами. Самоуправление осуществлялось «несколькими старшинами, из среды своей избранными, которым поручают хранение и расходование общественных складок, а также хранение грамот польских королей, утвердивших предков их в дворянских преимуществах» [2, 108].

В первое десятилетие XX ст. Чоповичи стремительно развивались. Если в 1900 г. жителей в селе насчитывалось 6250 человек [3, 1162], то в 1913 г. – около 13 тысяч человек [4, 4]. В селе была православная Троицкая церковь. Главное занятие крестьян – хлебопашество и ремёсла. На 1900 г. в селе числилось 12 тысяч 107 десятин земли, из них принадлежало: «церкви 38 десятин, крестьянам – 25 десятин и другим сословиям – 12044 десятин» [3, 1162]. Вокруг села на хуторах поселилось 50 крестьянских семей. Земледелие велось по трёхпольной системе. Пахотную землю разделяли на три части. Одно из полей не засевали, оно находилось под паром, два других засевали зерновыми культурами. Урожаи были низкими. Земство Киевской губернии открыло в Чоповичах агрономический участок для обучения крестьян ведению земледелия на научной основе [5, 423]. Крестьяне зарабатывали ремёслами и целыми семьями плели из лозы корзины, детские коляски, из соломы делали шляпы. В 1900 г. из 1200 дворов 250 дворов кормили себя ремеслом.

В начале XX ст. в селе имелось четыре маленьких предприятия: фабрика гнутой мебели, свечной, мыловаренный и лесопильный заводы. На предприятиях работало около 30 человек. Культура производства и оплата труда были низкими. В 1907 г. рабочий день сократили с 12-часового до 9-часового. В 1914 г. в селе работало уже 15 мелких предприятий [3, 1162]. С 1913 г. каждый месяц здесь проводилась однодневная ярмарка [4].

В подавляющем большинстве чоповчане были неграмотными. В 1913 г. незначительное число детей училось в церковно-приходской школе при Троицком храме и в земской школе. В этом же году дворянин Евгений Вацлавич Ласкин в доме Эльки Ходорковской устроил частный кинематограф, показывавший немое кино. Если в 1900 г. в селе был 1 фельдшер, то в 1912 г. там уже была больница на 10 коек,

где в течение года 10 тысяч больных получали лечение или консультации. Ещё в 1896 г. помощник аптекаря Карл Вансович открыл в селе аптеку, где по рецепту врача изготавливали лекарства. В четырёх магазинах продавались различные товары [5, 423], были 2 постоянных двора (недорогая гостиница с двором для лошадей и телег), 1 пожарный обоз «из четырёх бочек и четырёх багров» [3, 423]. В 1902 г. в 4-х км к северу от села была открыта железнодорожная станция «Чоповичи» Коростенского направления.

В 1912 г. в селе была общественная организация «Союз русского народа», состоявшая из 39 чоповчан. В 1913 г. её члены ездили в Петербург для участия в праздновании 300-летия дома Романовых [6, 9; 7, 961].

В начале XX ст. глубокая религиозность была одной из черт крестьянского сословия Российской империи. Исследования говорят, что в некоторых губерниях большинство насельников епархиальных монастырей были выходцами из крестьянства. «По имеющимся данным о социальном происхождении в Архангельской и Тамбовской епархиях (конец XIX–начало XX вв.) от 66 до 73% насельников монастырей являлись выходцами из крестьян. Остальные по своему происхождению принадлежали к духовному и мещанскому сословиям; купцов и дворян среди монашествующих были единицы» [8, 63]. О религиозности крестьян Киевской и Волынской губерний (1918-1925) говорится в советских документах, где их нередко называли «тёмными крестьянами». Например, в ноябре 1921 г. сообщалось: «В Киевском уезде среди селянства сильно развиты религиозные предрассудки» [9, 72]. В сентябре 1922 г. корреспондент газеты «Серп и молот» Сивко возмущался тем, что крестьяне села Малые Рачи Радомысльского уезда всем селом приняли решение содержать приходского священника [10, 3]. 11 января 1923 г. в секретном циркуляре отдела управления Волынского гу-

бернского исполнительного комитета отмечалось: «Религиозный фанатизм до сего времени имеет глубокие корни на селе...» [11, 7]. В мае 1927 г. заведующий Коростенским окружным административным отделом (в состав округа входили сёла Тростяница, Мелени и Чоповичи) писал: «Коростенский округ, как и вся Волынь, очень отсталый и тёмный и через это появляется благоприятный грунт для работы всяких антисоветских попов...» [12, 28].

Крестьяне искренне, сердечно чтители святыни, монастыри, с почтением относились к монашеству и духовенству. Мы полагаем, эта духовная характеристика стала важнейшим условием для создания Кипяческой Преображенской обители.

1.2. Обретение иконы Божией Матери в урочище Кипячее

Основанию монастыря предшествовало событие, произошедшее в пяти километрах от села Чоповичи в урочище Кипячее, – обретение иконы Божией Матери. Не найдены документы, которые бы свидетельствовали об этом факте, но на основе воспоминаний опишем это событие.

Сто лет тому назад на южных землях с. Чоповичи, на правом берегу реки Ирша, было большое непригодное для земледелия песчаное поле. По берегам реки росли небольшие ольховые деревья и кусты лозы. Иногда встречалась роща из смешанных деревьев. Поле называли «Всох», потому, что летом тут всё высыхало» [1, 87]. Традиционно здесь пасли отары овец.

В тот год, когда была обретена икона, выдалось жаркое лето. Неожиданно в урочище Кипячее, в небольшой роще забил источник. «Овцам так припекло, что они к речке не шли попасом, но бежали, как будто напуганные волками, так что пастухи не могли остановить. Пока пастухи успели прийти к кошарам, овцы уже напились воды и сами забе-

жали в кошару или легли кучками в холодке под деревьями. Пастухи пошли к речке искупаться и набрать воды, чтоб сварить обед. Они прошли шагов с пятьдесят, как в зелёной молодой роще возле тропинки увидели, что из земли бьёт чистая холодная вода и выбила уже небольшую ямку. Пастухи стали пить воду, потом умылись, набрали и понесли в курень варить обед. После этого они не ходили по воду к речке, но брали в источнике» [1, 87].

Через какое-то время пастухи обнаружили в источнике икону Божией Матери. «На Успение, как всегда, пришли к кринице и увидели возле воды сияющую икону Божией Матери. Став на колени, помолились новоявленной иконе, потом, поразмышляв, пошли в Чоповичи к священнику, чтоб сообщить ему про появление источника и Святой Иконы» [1, 87]. Дата события – 15/28 августа, двенадесятый праздник Успения Пресвятой Богородицы. Пастухи решили посоветоваться со священником. В те времена для крестьян слово священника имело большой вес.

«Приехал на место священник, а за ним пришло много людей. Икона, кажется, на бумаге, но не раскисает в воде, блестит ясно, облитая чистой водой. Священник отслужил молебен, окропил водой место и людей, потом взял Икону и с процессией понёс её в Чоповичскую церковь. Долго была Икона в этой церкви, и весть о ней разнеслась по городам и сёлам» [1, 88].

Икона Божией Матери была бумажная, возможно, отпечатанная литографическим способом. Такие образы были широко распространены среди крестьян. Мы предполагаем, что обретение иконы Божией Матери на двенадесятый церковный праздник Успение Божией Матери воспринято было крестьянами как дар Божий. Наверное, произошедшее в урочище Кипячее в народе понималось как священное событие, имеющее большое духовное значение. Поэтому

священник торжественно перенёс икону в Троицкую церковь села Чоповичи.

Косвенным подтверждением того, что в урочище Кипячее на источнике произошло знаменательное событие, служит то, что в 1915 г. на этом месте построили часовню [13, 15]. Часовни обычно возводят на святом, почитаемом месте или приурочивают к какому-то событию. Какая была необходимость строить часовню в пяти километрах от села на противоположном, безлюдном берегу реки Ирша? Почему ранее её не строили? Следовательно, в урочище Кипячее произошло важное сакральное событие.

Почему источник стал знаменит? «Начали приходить к колодцу прихожане и монахи, чтоб напиться и набрать домой целительной воды...» [1, 88]. В 1930 г. в документах ГПУ Коростенского округа сообщалось, что паломники приходят к источнику «не только для моления, но и для излечения, путем получения «святой» воды, отпускаемой монахами из колодца, находящегося в часовне рядом с алтарем» [14, 13]. Жители села Чоповичи рассказывают, что после явления в источнике иконы Божией Матери вода стала целебной. Чоповчане рассказывали про односельчанку, которая родилась слепой. В 1920 или 1921 г. родители привезли её на источник. Настоятель монастыря иеромонах Константин совершил молебен, окропил ребёнка водой из источника. Когда ехали домой, девочка закричала, что она что-то видит. А вскоре ребёнок совершенно избавился от слепоты.

Ещё до 1917 г. сложился паломнический маршрут: шли в урочище Кипячее брать воду в источнике, а затем в село Чоповичи, в Троицкий храм «помолиться пред Святой Иконой в церкви» [1, 88]. Мы считаем, что уже к моменту образования монастыря в 1917 г. среди православных верующих источник был почитаем и выработалась традиция его посещения.

В каком году была обретена икона? В предании указывается 1911 г., некоторые жители Чоповичей называют – 1917 г. В 1927 г. в докладной записке Малинского районного Ликвидкома описывается история основания монастыря. Село Мелени находится в пяти километрах от села Чоповичи и на таком же расстоянии от урочища Кипячее. В документе пишется, что некая гражданка Кукса, жительница села Мелени, приняла участие в создании монастыря в урочище Кипячее. «Кукса закупила 3 одинаковые иконы, которые ставила в канаве под ольхою...» [15, 45]. Указывается дата, когда она это делала: «1913-1914 гг. при организации Куксой монастыря принимались меры влияния на фанатичные круги селянства в «форме чудес». Мы полагаем, что в 1913-1914 гг. Кукса почитала Кипяческий источник. 1913-1914 гг. будут нижней границей даты обретения иконы. Верхняя граница – 1915 г., дата строительства часовни [13, 15]. Жительница села Чоповичи Ширченко Анна Филипповна (1921) вспоминала, что «в 1915 году пастух нашёл икону в источнике» [16]. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что обретение иконы Божией Матери произошло во втором десятилетии XX ст.

Какую икону Божией Матери нашли пастухи? В письменных источниках не сообщается, какая икона Богородицы была найдена, возможно, это был Казанский образ Божией Матери. Косвенным подтверждением этому служит тот факт, что среди главных монастырских праздников был праздник в честь Казанской иконы Божией Матери, отмечаемый 22 октября/4ноября [17, 489]. Данный вопрос требует дополнительной исследовательской работы.

Дальнейшая судьба иконы. Икону перенесли в Троицкую церковь с. Чоповичи, и она «долго была в этой церкви» [1, 88]. В 1926 г. на Пасху Троицкая церковь сгорела. В документах об иконе ничего не говорится. Из местных

жителей никто о ней не вспоминал. Дальнейшая судьба иконы не установлена.

Почему урочище назвали Кипячим? В 1927 г. в документе уполномоченного Ликвидкома Малинского района говорится: «название «Кипячий» идёт от этого источника» [15, 45]. В 1930 г. Павел Невмержицкий, монах Кипяческого монастыря, объяснял следователю, что монастырь получил название «Кипячее» «в связи с тем, что там имелся родник, и выходившая вода из-под земли... как бы кипела» [14, 30]. В 1955 г. Снежко М. вспоминал: «вода всё бежит и бежит из-под земли, тихо булькает, как будто в небольшом казане. И прозвали это место Кипячее» [1, 88]. В архиве найден план земельного участка, датируемый 24 октября 1916 г. В документе урочище Кипячее называется «при селе Чоповичи урочище «Кипящий» [17, 496].

Икону нашли в маленькой роще недалеко от реки Ирша, поблизости от тропинки, по которой пастухи ходили к реке. Роща была ольховая [15, 45].

Глава 2. **Первый период в истории Кипяческого Преображенского монастыря (1917-1921)**

2.1. **Исторические перемены (1917-1921)**

23 февраля/3 марта 1917 г. произошла Февральская буржуазно-демократическая революция. 2/15 марта 1917 г. император Николай II отрёкся от престола, власть перешла в руки Временного правительства.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) описал революционные дни в Житомире: «Толпа на улицах, шествия, «Марсельеза», красные банты, красные флаги... Священники, чиновники, все... в бантах. Крайний правый, видный черносотенец, в порыве революционного энтузиазма кричал толпе с балкона: «Марсельезу! Марсельезу!» [18, 263].

Одним из результатов Февральской революции было резкое противостояние между крестьянским сословием и землевладельцами. Падение авторитета центральной власти и власти на местах лишила крестьян надежды на справедливое решение земельного вопроса. Начался чёрный передел – крестьянские общины захватывали помещичью землю и орудия труда. На Поместном Соборе 1917 г. сообщалось: «Во множестве приходов различных епархий крестьяне насильственно забирают себе церковную и частновладельческую землю, запахивают самовольно причтовые поля, вырубают церковный лес... не только одни отщепенцы человеческого общества, но чуть ли не целые деревни могут обращаться

в злодеев и поступают хуже татар» [8, 295]. Например, в марте 1918 г. по решению сельского схода села Станишовка Житомирского уезда Волынской губернии была конфискована церковная земля и «передана местному трудовому населению» [19, 252]. Священник церкви Рождества Богородицы села Шпицинцы Сквирского уезда Киевской губернии¹ Михаил Щербаковский в 1918 г. в своём дневнике с горечью писал: «Всё лето церковь пуста, людям стала не нужна церковь в этот год свободы... Гаснет вера в Бога в народе. В этом году первый раз было много непостившихся... И много таких людей, которые сначала боялись Бога, стали злодеями и грабителями, уже и святыню Божию оскверняют. Возле церкви солдаты наши курят, на двор по малому ходят...» [20].

Перемены в стране отразились на жизни села. С фронта вернулось более шестисот чоповчан, из них 400 были калекми. Волновало село землевладение, распределение земли. Летом 1917 г. встревожило сообщение о передаче земли Земельному комитету². Власти Радомысльского уезда сообщали: «В Чоповичах наверное какие-то сторонники старого режима распустили по селу слухи, будто организатор Кириченко передал землю всего села Земельному Комитету. Этот слух взволновал всё село. Комиссар сообщил селянам, чтоб они не верили этому слуху, ибо никому передачи земли не будет до Учредительного собрания» [21, 2].

25 октября/7 ноября 1917 г. в Петрограде произошла Октябрьская социалистическая революция, положившая конец власти Временного правительства в республиканской России. В 1918 г. началась гражданская война (1918-1921).

¹Ныне с. Шпицинцы Ружинского района Житомирской области.

²Земельный комитет учреждён Временным правительством. В его задачу входила подготовка общего проекта земельной реформы для Учредительного собрания.

В конце января 1918 г. в селе провозгласили советскую власть. К этому времени на Полесье уже кипела гражданская война. В первых числах февраля 1918 г. протоиерей Голосов ехал поездом из Киева в Житомир. На станции Коростень он должен был сойти, но «ввиду боёв в Коростене пришлось со ст. Чоповичи (105 верст от Житомира) ехать на деревенских подводах около двух суток» [22, 2].

В феврале 1918 г. в село вошли немецкие войска. Путём террора немцы изымали продовольствие у крестьян. Люди прятали хлеб, фураж, скот, коней, бежали от расправы в лес. Вскоре образовался партизанский отряд [5, 424]. В конце 1918 г. в селе утвердилась власть Директории УНР³. 2 апреля 1919 г. в село вошла Красная Армия, власть перешла в руки Чоповичского революционного комитета. В конце апреля 1920 г. село оккупировала польская армия. В конце июня в ходе боёв село освободили, погибло 38 чоповчан [5, 325].

С марта 1917 г. по 1921 г. в селе Чоповичи шесть раз менялась власть. В течение 4-х лет сократился посев зерновых, уменьшилось поголовье скота, люди голодали или недоедали, часто вспыхивали эпидемии, царил бандитизм. В этих условиях чоповчане и крестьяне окрестных сёл Мелени, Тростяница основали в урочище Кипячее мужской Спасо-Преображенский монастырь.

2.2. Основание Преображенского монастыря (1917-1920)

В истории многих монастырей есть период зарождения, образования. Обычно вокруг уважаемого и почитаемого подвижника образовывалась монашеская община, а затем

³ Директория Украинской Народной Республики (14.12.1918-10.11.1920) – высший орган государственной власти воссозданной Украинской Народной Республики.

открывался монастырь. По этой схеме зарождалась и обитель в урочище Кипячее.

В 1916 г. или в начале 1917 г. здесь по разрешению Киевской духовной консистории временно поселился уроженец села Чоповичи иеромонах Константин (Чоповский Пётр Иванович). Он был насельником «русской пустынно-келейной обители святого Иоанна Златоуста при Иверском монастыре на Афоне» и собирал пожертвования для афонской обители [17, 485об.]. У него была доверенность, заверенная «русским консулом», на право устроить афонское подворье [17, 490об.].

Поселился отец Константин на земельном участке чоповчанина Дидковского Матфея Иосифовича. Предположительно в 1917 г. Дидковский, желая оставить по себе молитвенную память, пожертвовал свой участок земли (более 1 гектара) Кипяческой афонской обители святого Иоанна Златоуста и «устроил корпусок.., насадил сад, выкопал колодезь и тому подобное» [17, 490об.].

В июне 1918 г. иеромонах Константин обратился к митрополиту Киевскому и Галицкому Антонию (Храповицкому) с просьбой благословить ему и далее проживать в урочище Кипячее, совершать келейное монашеское правило и исполнять «необходимые требы в приходе села Барановка... в настоящее многотрадальное время, пока как Господь устроит нашу жизнь» [17, 485об.]. Село Барановка находится на левом берегу речки Ирша в 30 км от села Чоповичи. В начале XX ст. село было приписано к Николаевской церкви с. Пирожки Малинской волости [2, 158].

Келья иеромонаха Константина построена была там, где теперь расположено монастырское кладбище, т.е. недалеко от чудотворного источника, который посещали паломники. Отец Константин общался с местными жителями, к нему приходили богомольцы. В беседах рождалась идея создания

монастыря. Мы предполагаем, что в 1917 г. стала образовываться община.

Предположение подтверждает анализ документов. В 1917 г. в обитель поступил Завадский Иван Фёдорович, псаломщик Кипяческого монастыря [23, 415]. Чоповчанин Кононученко Василий Евстафиевич в Кипяческий монастырь поступил послушником «после Октябрьской революции» – возможно, это было в конце 1917 г. [14, 21]. Житель села Чоповичи Кириченко Максим Петрович (впоследствии иеродиакон Моисей) после демобилизации в марте 1918 г. поступил «в Кипяческую обитель в качестве послушника» [25].

Хотя отец Константин в своём заявлении от 1918 г. ничего не говорит о монашеской общине или монастыре, мы видим, что вокруг афонского иеромонаха собрались православные крестьяне, желавшие вести монашеский образ жизни.

11 сентября (предполагаем, по старому стилю) 1918 г. Дидковский Матвей Иосифович обратился к митрополиту Антонию (Храповицкому) за благословением устроить в урочище Кипячее подворье афонского Иоанна Златоуста монастыря, а также «разрешить устроить в имеющемся корпусе домовую церковь в честь Преображения Господня, каковую благословите назвать «Преображенской» [17, 490.]. Однако в стране кипела гражданская война, поэтому Дидковский предлагал следующий вариант: «но если по политическим соображениям сделать это невозможно, то прошу тебя, Владыка, благословить устроить самостоятельную общину, за которой я немедленно закреплю нотариально всё это имущество» [17, 490об.].

В этом же документе Дидковский изложил мотив своего поступка: «Желая оставить после себя молитвенную память и зная, сколь важно для поддержания веры и благочестия в окружающей местности в Радомысльском уезде, где нет поблизости монастырей, где не услышишь Богослужения..,

а только слышишь в приходских церквях, которые отправляют кое-как и наспех, ибо священнослужители сильно обращены своим прихожанам требами, а также зная и душевную потребность в духовной пище многих благочестивых жителей, которые горят желанием видеть в своей местности Монастырь, и, принимая во внимание столь расшатавшееся политическими переворотами молодое и среднее поколение (старые люди остались верны церкви и её священным обрядам), именно упадок и потеря веры, страха пред Божиими и церковными законами, которым верой был так крепок русский человек, русский воин...» [17, 490].

Владыка Антоний согласился с предложением Дидковского открыть в урочище Кипячее подворье афонского Златоустовского монастыря. 13/26 сентября 1918 г. митрополит написал резолюцию: «Со своей стороны согласен, чтобы здесь было афонское подворье или подворье Овручского женского монастыря. В первом случае советую жертвователю справиться в Министерстве, будет ли дано согласие правительства. Митрополит Антоний (Храповицкий)» [17, 490]. 26 сентября 1918 г. владыка Антоний официально разрешил открыть подворье афонского монастыря. Мы полагаем, что с этого момента в урочище Кипячее монашеская община становится Кипяческим Спасо-Преображенским мужским монастырём.

Владыка Антоний в своем решении писал, что для открытия афонского подворья необходимо обратиться в министерство вероисповеданий Украинской державы, во главе которой стоял гетман Скоропадский. Было ли получено согласие министерства? Не найдены документы, дающие положительный ответ. Возможно, основатели Преображенского монастыря не успели получить согласие чиновников: через два месяца после открытия обители, в ноябре 1918 г. Украину покинула немецкая армия, 14 декабря 1918 г. был свергнут гетман Скоропадский. В условиях гражданской войны

власть постоянно переходила из рук в руки, крестьяне беднели и голодали. Монастырь не успел получить от государственных властей статус афонского подворья. Однако документально установлено, что Киевский епархиальный совет называл Преображенский монастырь «новооснованное общежитие Афонских иноков» [17, 492]. Следовательно, считал его подворьем Златоустовского афонского монастыря.

Власть в селе и крае переходила из рук в руки противостоящих сторон. Несмотря на военные бедствия и опасности паломники, православные крестьяне из Чоповичей, Мелени, Тростяницы и близлежащих сёл поддерживали новообразованную обитель. С 1918 по 1920 гг. 13 чоповчан пожертвовали свою землю обители «св. Преображения Господня Афонского подворья в Кипячем», приведу их имена:

1. Максим Петрович Кириченко – 3 дес.
 2. Захариев Иосиф, Иван Захариев и Алексей Фещенко – 1 дес.
 3. Антон и Василий Фещенки – 1 дес.
 4. Степан Данилович и Василий Антонович Прокопенки – 2 дес.
 5. Евфимий и Матвей Кузьменко – 1 дес.
 6. Игнатий Евстафиевич Филоненко – 1 дес.
 7. Иван Фещенко-Грицюк – 1 дес.
 8. Пётр Михайлович Фещенко – 1 дес.
- Всего 11 дес. [17, 488-488об.].

Таким образом, общая площадь монастырской земли составила более 12 гектаров. Установлены скудные факты из биографии только одного жертвователя – Кириченко Максима Петровича. Он в марте 1918 г. поступил в обитель и был её экономом. Увеличилось число насельников не только из жителей окрестных сёл, но и Белоруссии, России. Приходили монахи и из закрытых монастырей, помимо о. Константина здесь подвизался ещё один монах-афонит. Сюда приезжали

погостить монахи из других монастырей. В богослужебной жизни обители сложилась традиция празднования трёх особо чтимых монастырских праздника – о них расскажем позже. Монастырь построил небольшой корпус и возводил второй монастырский дом с четырьмя кельями и кухней. К нему планировалось пристроить церковь вместимостью до 400 молящихся, с трапезной и крестильной.

25 мая 1920 г., когда село было оккупировано польской армией, Дидковский М.И. повторно обратился к правящему архиерею с просьбой «закрепить эту обитель как подворье Афонского Златоустовского, а если же этого сделать нет возможности по политическим соображениям, то утвердить её как самостоятельную общину» [17, 488об.]. Также просил разрешить открыть «домовую церковь в урочище Кипяче в строящемся корпусе в честь Преображения Господня, для чего выдать иеромонаху Константину антиминос» [17, 488об.].

Дидковский обосновывал своё прошение тем, что «благочестивые люди, у коих ещё вера в Бога не остыла и теплится, попадают на удочку к разным сектам, которых в нашей местности развелось, как грибов в дождь, как-то штундист-Кирилловщина... В заключение сих соображений я, смиреннейший послушник Вашего Высокопреосвященства, прошу утвердить в Кипячем Миссионерский пункт, где бы постоянно жил хороший миссионер и живым, горячим словом обезоруживал врагов церкви Христовой» [17, 488об.]. Действительно, советские документы сообщают, что в селе Мелени было большое скопление сектантов [15, 45].

Прошение Дидковского дополнялось прошением ревнителей православия сёл Чоповичи, Мелени и Тростяницы. Их обращение очень интересное. Сообщая, что число «желающих молиться и слушать Божественную Литургию всё больше и больше увеличивается и православные сыны церкви в столь трудное время, неся своё горе и радость, желают

вылить его в пустыни Кипячье», а также слушать там «Келейное правило, молебны и Акафисты, служившиеся в... строящейся келье», которая уже «не вмещает молящихся и не удовлетворяет их», а «они желают, как уже сказано выше, слушать всенощное бдение с Божественной литургией, где они смогут говеть...

Мы, православные сыны матери нашей Церкви с. Чоповичи, других окрестных сёл и деревень осмеливаемся смиреннейше просить Ваше Высокопреосвященство разрешить в урочище Кипячем в строящемся корпусе для братии домовую церковь в честь Преображения Господня» [17, 493об.]. Под прошением подписалось сто ревнителей православной веры из сёл Чоповичи, Мелени и Тростяница.

Между 9 и 17 июня 1920 г. 7-я стрелковая дивизия 12-й Красной Армии освободила Чоповичи. Отступая, поляки разрушили село, убили 38 крестьян, многих ранили и покалечили. Вскоре вспыхнула эпидемия, унесшая жизни многих чоповчан, на село постоянно нападали банды. 18 октября 1920 г. в Чоповичах был образован сельский революционный комитет и Чоповичский волостной революционный комитет [5, 425].

Наверное, из-за боевых действий и других бедствий, обрушившихся на чоповчан, Дидковский не смог отвезти оба прошения в Киев. Только в ноябре 1920 г. их туда привёз послушник Кипяческой обители Кириченко Максим Петрович. Он 25 марта 1919 г. получил от иеромонаха Константина «как строителя и основателя обители» доверенность на ведение дел по застройке обители [25].

В этот период Киевской кафедрой временно управлял епископ Черкасский Назарий (Блинов), викарий Киевской епархии. На прошении Дидковского владыка Назарий поставил резолюцию, но её невозможно прочесть. Насельник Кипяческой обители иеродиакон Моисей (Кириченко

Максим Петрович) вспоминал, что 13 декабря 1920 г. «Кипяческий монастырь был утверждён Преосвященным епископом Назарием как самостоятельный [25]. Два года (1918-1920) Преображенский монастырь был подворьем афонского Иоанно-Златоустовского монастыря, но в силу сложившихся исторических обстоятельств становится самостоятельным.

Прошение ревнителей Православия владыка передал на рассмотрение Киевской епархиальной канцелярии, которая 19 ноября/2 декабря 1920 г. дала своё заключение: «Епархиальная Канцелярия постановила доложить Преосвященному Назарию, Епископу Черкасскому, что с её стороны не встречается препятствий удовлетворению просьбы ревнителей православия с. Чоповичи и других окрестных сёл и деревень Радомысльского уезда устроить домовую церковь во имя Преображения Господня, возвести постройку для монастыря» [17].

В 1921 г. в монастыре построили Преображенский храм. Документально не установлена дата его освящения, но известно, что в 1921 г. по благословению епископа Черкасского Назария (Блинова) «был освящён престол Протоиереем Яворским» [25]. Храм и обитель были названы в честь Преображения Господня. Это подтверждает единственный дошедший до наших дней документ Кипяческой обители. В формуляре от 1923 г. сообщается, что монах Моисей «член Кипяческой религиозной общины...», он подписан настоятелем Преображенской обители [25].

2.3. Разорение обители (1921 г.)

В ночь с 1/14 на 2/15 сентября 1921 г. на монастырь напала банда в количестве 15 человек, убила трёх насельников и сожгла обитель. Почему стало возможным разбойное нападение? В 1921 г. в стране сложилась такая социально-политическая ситуация, при которой невозможно было предотвратить гибель людей. Активные боевые действия,

террор противоборствующих сторон как по отношению друг к другу, так и по отношению ко всем слоям общества, недееспособность центральной и местной власти спровоцировали нищету и голод. В старину говорили: где голод, там нет закона. Вспыхнул массовый бандитизм, который приобрёл такой размах, что 24 января 1921 г. при Совете народных комиссаров УССР был создан совет по борьбе с бандитизмом.

14 марта 1921 г. X съезд РКП(б) сменил политику «военного коммунизма» на Новую экономическую политику (НЭП). Главное отличие НЕПа было в том, что если по продразвёрстке с крестьян взимали 70% зерна, то теперь продразвёрстку заменили единым налогом, в соответствии с которым с них удерживали 30% зерна. 3 апреля 1921 г. V Съезд Советов Украины постановил объявить амнистию для лиц, находящихся в бандах и добровольно явившихся в советские органы. Срок явки по амнистии был установлен до 15 апреля 1921 г., позднее его продлили.

Кипяческий Преображенский мужской монастырь находился в Радомысльском уезде, где также царил бандитизм. 6 марта 1921 г. Киевский губернский комитет в сводке №44 сообщал: «В последней половине февраля бандитизм замечается в уездах Радомысльском, Звенигородском и Липовецком. Оперируют банды численностью от 15 до 150 чел. Бандиты вооружены винтовками, саблями, некоторые банды имеют пулеметы» [26, 76].

18 июня 1921 г. Киевский губком в сводке №82 с тревогой сообщал: «Бандитизм принял в апреле месяце угрожающие размеры, и борьба с ним отвлекает значительные силы парторганизаций. К концу апреля в Киевской губернии действовало несколько атаманов, обладающих довольно крупными силами, кавалерией и даже орудиями... Бандиты действуют почти во всех уездах, особенно сильны они в Радомысльском, Чернобыльском и Киевском уездах... По

отношению к населению банды действуют различно: некоторые банды хорошо относятся к крестьянам, другие грабят самым беззастенчивым образом» [26, 170].

К сентябрю 1921 г. Новая экономическая политика, поддержка бедного крестьянства, амнистия и борьба с бандитизмом дали положительный результат. 4 сентября 1921 г. начальник Радомысльской милиции сообщал о спаде бандитизма в уезде: «доношу, что в последнее время во вверенном уезде особых крупных банд, с которыми бы милиция принимала активную борьбу, не замечается, т.к. главные атаманы как Мордалевич⁴, Лисица, Богатыренко и др. перешли на сторону Советской власти...» [27, 382]. Из этого документа мы можем сделать вывод, что нападение на монастырь произошло, когда уменьшилось число банд в Радомысльском уезде, когда крестьяне стали восстанавливать свои хозяйства.

И все-таки в сентябре 1921 г. начальник Радомысльской милиции докладывал: «Главные причины и тормоз в ходе работы милиции является следующее: продовольственный вопрос находится в самом жалком, критическом и плачевном положении. Паёк получается неаккуратно и большей частью не полностью, а в уезде в некоторых районах вовсе не получается., милиции большей частью приходится голодать и ходить по крестьянским квартирам просить пропитания, фуража, кроме сена, и то в недостаточном количестве, овса совсем нет, лошади голодают.

Что же касается обмундирования, то и говорить нечего. Люди совершенно оборванные, голые, босые, а особенно красноармейцы, присланные на службу из частей войск, не имеют не то.[лько] зимней одежды, но и летней... И при таком положении милиция при всём своём желании

⁴Мордалевич Ю.А. – подполковник армии УНР. 29 июня 1921 г. перешёл на сторону советской власти.

не может нести возложенную на ея такую тяжелую обязанность» [27, 382].

Нет следственного дела или каких либо государственных документов за 1921 г., в которых бы говорилось о разбойном нападении на Кипяческий Спасо-Преображенский монастырь. Создаётся впечатление, что органы власти не знали об этом событии. Мы полагаем, что уголовное дело не возбуждалось, следствие не велось. Опираясь на документы и воспоминания местных жителей, опишем само нападение. О нём мы узнаём от пострадавшего от рук бандитов иеромонаха Евгения Пантелеймоновича Волкова, который в 1921 г. был послушником в обители.

Вечером 14 сентября 1921 г. часть братии разошлась по окрестным сёлам, в монастыре остались 6 человек. В половине одиннадцатого в монастырь ворвалось 15 бандитов. Они привели в церковь настоятеля Константина (Чоповского), монаха Ираклия (Скуратовского), рабочего Петра Шуку, сторожа Волкова Евгения Пантелеймоновича, рабочих Найденко Адама (Арсения) Ивановича и Сергиенко Петра Николаевича. Бандиты искали деньги, требовали от настоятеля выдать их. Иеромонах Константин «ответил, что деньги должны быть у эконома или в комодe в общежитии» [6, 5]. Налётчики по видимому не нашли деньги. Затем рабочих Найденко А.И. и Сергиенко П.Н. отпустили, а настоятеля Константина, Петра Шуку, монаха Ираклия и послушника Евгения завели в церковь, «приказали повернуться лицом к стене и дали по нам залп, коим Константин, Пётр и Ираклий были убиты, а я ранен в спину и левую ногу, – вспоминал Волков. – После этого, когда мы все упали, бандиты облили вокруг нас и нас самих керосином и подожгли. Для того, чтобы огонь усилить, один из бандитов принёс солому и разбросал вокруг нас. Затем все бандиты ушли. Я опомнился и почувствовал, что могу двигаться, вылез из церкви...» [6, 5]. Необходимо учиты-

вать, что мы черпаем информацию из протокола допроса, который пишется кратко. В силу этого целый ряд деталей совершённого преступления упущен.

Из документа Казанской церковной общины урочища Кипячее узнаем: «Бандиты, произведшие пожар, перебили до смерти трёх жителей и сожгли в храме. Оставшимся в живых жителям не дозволили спасти имущество от огня, почему и было всё уничтожено» [27, 24-24об.]. Картину преступления дополняют воспоминания: житель с. Мелени Белошицкий Демьян Михайлович (1916 г.р.): «Монастырь успел отслужить 40 служб, и его сожгли в 1921 г. после Усекновения. Всех, кто был в монастыре, загнали в помещение и стали грабить обитель. Среди бандитов был чоповчанин... Один из монахов узнал его и сказал: «Иван, что ты делаешь, тебе будет грех». Начали стрелять. Наложили в храме огонь, закрыли храм. Один раненый выскочил в окно и убежал в Мелени. Возле источника, вокруг часовни тоже разложили огонь, но она не загорелась...» [28]. Житель Чоповичей Старченко В.С. (1902 г.р.): «В первые годы советской власти на этот монастырь напала банда уголовников и с целью ограбления убила несколько человек монахов, в том числе настоятеля этого монастыря» [14, 31].

Постараемся проанализировать произошедшее. 11 сентября 1921 г. в Спасо-Преображенском монастыре традиционно праздновалось Усекновение главы Иоанна Предтечи. Известно, что для крестьян окрестных сёл, паломников и тех, кто почитал святой источник, это был большой праздник. Поэтому здесь было многолюдно. Организатор разбойного нападения мог решить, что большой праздник принёс богатую прибыль монастырю. По мнению Старченко В.С. основным мотивом нападения было ограбление обители.

Через 3 дня, в ночь с 14 на 15 сентября, на монастырь напала банда из 15 человек. По утверждению местных жителей

это были люди из шайки Лисицы. Монастырских денег они не нашли – в этот день экононом монастыря послушник Кириченко М.П. ушёл в соседнее село Мелени и забрал с собой выручку. Далее бандиты почему-то решили убить четырёх насельников монастыря, а других оставили в живых. Налётчики расстреляли монахов в церкви, тем самым осквернив святыню. Убийство совершили с демонстративным кощунством, издевательством над душами тех, кого они оставили в живых. Сожгли храм, монастырские дома и хозяйственные постройки. Более того, они пытались сжечь часовню над почитаемым в народе источником. Оставшимся в живых насельникам запретили тушить пожар, который видели в сёлах Чоповичи, Мелени и на близлежащих хуторах. Разумеется, кто-то из местных жителей мог приехать тушить пожар, но это бандитов не беспокоило. Поведение налётчиков говорит о том, что они хотели не только ограбить, но и продемонстрировать, как они уничтожают почитаемую в народе святыню. Это напоминает месть. В их действиях наблюдается уверенность в безнаказанности.

Почему они так вели себя? По одной из версий, когда среди бандитов узнали местных жителей и усовестили их, налётчики пришли в ярость. В порыве безумия они совершили зверство. Вполне возможно, что у монастыря были и недоброжелатели. Об этом свидетельствует жалоба на иеромонаха Константина. В октябре 1918 г. некто И. Фещенко написал на имя Митрополита Антония (Храповицкого) жалобу на «афонского иеромонаха Константина», который устроил в «с. Усохи Радомысльского уезда в избе церковь и под видом сбора пожертвований на Афон, обирающего односельчан» [29, 172об.]. На 1918 г. в Киевской губернии не было села Усохи. Но на землях с. Чоповичи было поле, называемое Всох [1, 87], на нём располагалось урочище Кипячее и здесь же проживал на пожертвованной земле афонский иеромонах Константин

(Чоповский). 16.10/29.10 1918 г. владыка написал резолюцию: «Местному приходскому священнику для отзыва. Существует ли Фещенко?» Из этого следует, что у иеромонаха Константина и строившегося монастыря были недоброжелатели. Антоний (Храповицкий) понимал это и отнёсся к жалобе с недоверием. За этим могли стоять земельные споры и другие имущественные интересы – в годы гражданской войны шёл чёрный передел земли и вполне возможно, что кто-то хотел завладеть монастырскими владениями.

Была и третья версия: бандитов подговорили местные коммунисты, которые славились своей ненавистью к религии и, в частности, к Православной Церкви, но эта версия не выдерживает критического анализа. Однако реальная жизнь никогда не укладывается в строгие законы логики, тем более в годы гражданской войны, когда царят произвол и безвластие. Во всяком случае, народное сознание, исходя из опыта тех лет, так объясняло произошедшее. Нельзя исключать и того, что сами бандиты помимо ограбления преследовали цель настроить народ против новой власти. Версий может быть много, но факт остаётся фактом – Кипячский Спасо-Преображенский монастырь был уничтожен.

Какая банда напала на монастырь, кто был её руководителем? Не найдены документы, в которых бы сообщалось об этом. Чоповчанин Старченко В.С. подчеркнул, что это была банда уголовников. В книге «Історія міст і сіл Української РСР» пишется о некоей банде, орудовавшей в 1921 г. в Чоповичах: «Вскоре... была вскрыта и уничтожена петлюровско-кулацкая банда и в Чоповичах» [5, 426]. Авторы не указали источник информации, банду идентифицируют по политическому признаку, не называя её главаря. В архиве не найдены документы о банде, орудовавшей в селе Чоповичи.

А местные жители убеждены, что налёт совершила банда, руководимая Лисицей. Об этом же говорили родственники

погибшего послушника Петра Шуки и иеродиакона Моисея (Кириченко М.П.). Она наводила ужас на крестьян, особенно банду Лисицы боялись те, кто жил на хуторах. Чоповичские старожилы рассказывали, что в 1922 г. односельчане ездили в Киев, где выступали свидетелями на судебном процессе по делу банды Лисицы.

Документы говорят, что в 1919-1922 гг. в Радомысльском уезде действительно орудовала банда Лисицы. Она нападала на северные уезды Киевской и Волынской губерний, т.е. действовала на Полесье. 19 апреля 1921 г. Волынский губернский комитет писал: «В Житомирском уезде появляются иногда две большие банды: банда Заичика в 25 чел. и банда Лисицы в 20 человек. Банды эти просачиваются на Волынь из пределов Киевской губернии и при принятии соответствующих мер быстро скрываются в лесах Радомысльского уезда Киевской губ. В остальных уездах губернии бандитизм не замечается» [30, 8]. Что касается численности, то она не была постоянной, так в апреле 1921 г. банда Лисицы численностью 600 человек напала на с. Дерманцы Облитковской волости Житомирского уезда, «убила командира продовольственного отряда и ограбила крестьян». 14 мая 1921 г. банда напала на с. Селец Фасовской волости Житомирского уезда [31, 104].

Без указания точной даты сообщается, что в 1921 г. банда Лисицы напала на село Мелени Радомысльского уезда Киевской губернии и ограбила жителей [32, 206]. Село Мелени находится в пяти километрах от Кипяческого Преображенского монастыря.

О том, что злодеяние в Чоповичах совершили именно члены банды Лисицы, свидетельствует тот факт, что эти молодчики отличались особым стилем ограбления: они переодевались в форму красноармейцев и изображали бойцов продотряда, якобы приехавшего в село для сбора продналога, и грабили крестьян, отбирая у них последнее [33, 2].

Тут уместно вспомнить подробности нападения на монастырь. Согласно показаниям пострадавшего Евгения Волкова: «В половине одиннадцатого ночи в церковь зашёл чеповичский житель по имени Пётр, бывший в обители Кипячее рабочим, и сказал мне испуганно: «пришли товарищи», и только он сказал, как в церковь зашёл один из этих «товарищей», и спросил меня, есть ли деньги в церкви?» [6, 5]. Рабочий Пётр Шука в слово «товарищ» мог вкладывать смысл: пришёл представитель власти, большевик, красноармеец. Следовательно, бандиты были одеты так, что послушник Пётр сразу же решил, что это представители советской власти, – налицо стиль «работы» банды Лисицы. Если учесть, что в документах указывается численность банды от 150 человек до 600 человек, то 15 бандитов, напавших на монастырь, могли быть отрядом банды.

26 июня 1921 г. часть головорезов из банды Лисицы в количестве 200 человек воспользовалась амнистией и перешла на сторону советской власти [34, 348-352], что подтверждает отчёт начальника Радомысльской милиции от 4 сентября 1921 г., приведенный выше. В нём сообщается, что банда Лисицы более не занимается налётами, и в уезде значительно снизилась преступность [27, 382].

Через 5 месяцев, 26 января 1922 г., в 24 верстах от Коростеня остатки банды были разгромлены [35, 117]. Арестованных бандитов судили в Киеве. Чоповчане в качестве свидетелей участвовали в судебном процессе.

Глава 3. **Второй период в истории Кипяческого Преображенского монастыря (1921-1934)**

3.1. **Исторические перемены (1921-1934)**

Исторические условия, в которых продолжил существовать Кипяческий Преображенский мужской монастырь, разделяется на два периода: первый можно назвать периодом НЭПа (1921-1929), второй – период коллективизации (1929-1934). История монастыря, развитие и гибель обители непосредственно обусловлены экономической политикой государства. Опишем её в общих чертах.

В 1921 г. завершилась гражданская война, образовалось советское государство. В 1921-1929 гг. реализовывалась Новая экономическая политика (НЭП). Основной особенностью НЭПа был переход от продовольственной развёрстки⁵ к продовольственному налогу, который был в два раза

⁵Продовольственная развёрстка (продразвёрстка) – система заготовок сельскохозяйственных продуктов, применявшаяся Сов. государством в период гражданской войны. Заключалась в обязательной сдаче крестьянами государству по твёрдым ценам всех излишков (сверх установленных норм на личные и хозяйственные нужды) хлеба и др. продуктов. С переходом страны к Новой экономической политике в марте 1921 г. по решению 10-го съезда РКП(б) была заменена продналогом.

меньше прежнего сбора. Крестьянин заранее знал, сколько продукции надо сдать государству и мог рассчитать, какой излишек останется в его распоряжении. Излишек можно было потратить на себя, продать на базаре или пожертвовать монастырю. Монастырские насельники также могли вести хозяйственную деятельность. «Продналог повысил экономическую заинтересованность крестьян в расширении посевов, увеличении поголовья скота и повышении урожайности возделываемых культур» [36, 475]. Допускалась аренда земли, наём рабочей силы (до 20 человек), рыночная торговля. Государство финансово поддерживало образование сельских кооперативов в форме коммун, товариществ и артелей, бедным крестьянам выделялись субсидии. Правительство проводило политику социальной поддержки бедняцко-средняцких хозяйств и сдерживало расширение хозяйств зажиточных крестьян, пользовавшихся наёмным трудом, – последних называли кулаками. Новая экономическая политика значительно улучшила жизнь крестьян. Она же позволила существовать монашеским общинам в форме трудовых и сельскохозяйственных артелей. Оживилась торговля, увеличились посевы, повысилась культура ведения сельского хозяйства, возросло поголовье скота и урожайность возделываемых культур. После разрушительной войны деревня возрождалась.

Новая экономическая политика реализовывалась и в селе Чоповичи. С 1921 г. бедным крестьянам выдавались государственные кредиты, оказывалась помощь тяглом, семенами, орудиями труда. В 1921 г., когда ещё шла гражданская война, к началу посевных работ беднейшие крестьяне Чоповичей получили денежную помощь от государства, открыли прокатную станцию сельскохозяйственной техники, что значительно облегчило труд крестьян. В 1924 г. в Чоповичах в рамках поддержки государством кооперации на селе были

созданы сельское потребительское товарищество и два товарищества совместной обработки земли. В 1925 г. около 20 кустарных мелких предприятий объединились в промышленную артель, где работало 200 рабочих. В селе было 6 мельниц и 4 маслобойни. В 1929 г. открылась швейная артель «Пролетарий», переросшая в швейную фабрику.

В сельском доме культуры показывали кинофильмы, ставились любительские спектакли, работала библиотека. В селе действовало 12 кружков ликвидации неграмотности взрослых. В 1924 г. 600 чоповичских детей учились в 4-х школах (церковно-приходская школа была закрыта). В 1929 г. построили новую школу, куда бесплатно привозили детей из отдалённых селений [5, 426].

На фоне улучшения экономической жизни народа велась политика по разрушению Православной Церкви. В 20-е гг. борьба с ней была построена так, чтобы у человека создавалось впечатление естественного её разрушения и морального падения духовенства. Спецслужбы тайно провоцировали и поддерживали расколы в Церкви. В 1922 г. их усилиями была создана обновленческая церковь. В городе разрешали проводить съезды духовенства, на которых священники должны были принимать обновленчество. Сельских священников, как правило, вызывали в местное отделение ГПУ и предлагали перейти в раскол. В 1925 г. в документе, озаглавленном «Религиозное движение на Украине и задачи антирелигиозной пропаганды», писалось: «Вместо прежней православной церкви на Украине имеются четыре основных церковных группировки: тихоновская, обновленческая, автокефальная и дияльно-христова церкви. Борьба между ними принимает резкий характер, идёт по линии захвата храмов, влияния на верующих, приводит часто к избиениям и дракам. Вражда ослабляет, дезорганизует церковные организации и дискредитирует духовенство» [37, 23].

В сложной исторической обстановке, «не всегда разбираясь в канонических тонкостях, многие представители рядового духовенства и мирян интуитивно чувствовали неправду «советского обновленчества» и оказывали ему всевозможное, зачастую пассивное сопротивление» [38, 6]. В 1924 г. в закрытом письме Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины писалось: «Хотя официальные данные о количестве церковных приходов, находящихся под ведением обновленческой церкви..., довольно велики, но решающего значения в борьбе направлений они иметь не могут, ибо массы их не поддерживают» [39, 21].

Какая религиозная ситуация сложилась в 1921-1929 гг. в Малинском округе? В Малинском округе Киевской губернии шла ожесточённая борьба между православными и раскольниками-обновленцами. 25 августа 1924 г. Киевский губернский ликвидационный комитет, заслушав доклад о состоянии Малинского округа «в религиозном отношении, что выражается в организации епископом Сергием Радомысльским⁶ собрания попов, молебнов, трапез и пр., чем компрометирует обновленческое движение. Постановили: принять необходимые меры для устранения указанных явлений» [40, 35]. Вскоре епископ был арестован.

Какого течения придерживался Троицкий приход в Чоповичах? Он был «славянским», т.е. признающим себя подчинённым патриарху Тихону и экзарху Украины Михаилу (Ермакову) [13, 20]. В 1925 г. настоятель храма Евгений Безвенглинский назвал себя «экзархистом». Таких же принципов придерживались приходы близлежащих сёл – Мелени,

⁶Епископ Радомысльский Сергей (Куминский А.С.) первый раз арестован в 1924 г. В 1925 г. временно управлял Киевской епархией. Повторно репрессирован 26 октября 1926 г.

Устиновка и подавляющее большинство приходов Малинского округа [23, 391-407]. В 1926 г. в Чоповичах на Пасху сгорела Троицкая церковь. Верующие попытались построить новый храм, но в 1929 г. приходскую общину распустили, временный храм закрыли.

3.2. Восстановление монастыря (1921-1927)

В начале 20-х годов сложились крайне неблагоприятные условия для существования монастырей. Велась политика по уничтожению монашества, поэтому в законодательстве не предусматривалось существование монастырей. Документы свидетельствуют, что в начале 20-х годов планировалось все монастыри и монашеские общины ликвидировать. Для Кипяческой обители существенным было и то, что гражданская война спровоцировала обнищание крестьян, которые всячески поддерживали обитель. После сожжения Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря монахи решили восстановить обитель. Эконом обители Кириченко М.П. вспоминал: «я возбудил ходатайство [ходатайство] пред Высокопреосвященнейшим митрополитом Михаилом, который созвал всех киевских епископов и постановил восстановить всю обитель» [25]. Почему митрополит Михаил (Ермаков) благословил возродить Кипяческую обитель? Наверное, Кириченко смог представить убедительные доводы в пользу строительства нового монастыря.

Анализ документов говорит, что строительство жилой части монастыря велось постепенно, дом за домом – по видимому, по мере накопления средств и строительных материалов. Предположительно в 1922 г. построили первый жилой дом. Затем «в 1923 г.. начали, а 1924 г. окончили постройку другого дома под общежитие» [6, 506.]. «Монахи

собственными силами... построили себе жилище и служебные помещения», – рассказывал монах Парфений (Невмержицкий) [6, 50б.]. Мы полагаем, что к 1927 г. жилые помещения обители были построены. В отчёте от 1927 г. уполномоченного отдела культов по Коростенскому округу читаем: «После пожара монастыря на речке Ирша в урочище Кипячее имеется вновь отстроенный монастырь...» [15, 45].

Монастырскую церковь Преображения Господня заменил храм в честь Казанской иконы Божией Матери, устроенный в часовне над источником. Общеизвестно: главный монастырский храм и название обители одноимённые. Из 17-летней истории Преображенского монастыря на протяжении 13 лет монастырским (по документам – приходским) храмом была Казанская церковь, а Преображенская церковь просуществовала пару месяцев. Поэтому в народе сложилось мнение, что Преображенский монастырь назван был в честь Казанской иконы Божией Матери. Монахи ухаживали за храмом, разливали паломникам воду из чудотворного источника, находившегося в церкви [14, 13].

Неизвестно, кто после гибели настоятеля – иеромонаха Константина (Чоповского) стал настоятелем Спасо-Преображенского монастыря. Известно, что 2 апреля 1924 г. был принят в число братии Кипяческого монастыря Найденко Адам Иванович [23, 437] – принимать в монастырь может только настоятель обители. Однако в сентябре 1924 г. были составлены регистрационные карточки насельников обители. Среди них нет учётной карточки на игумена Николая. К сожалению, никто не указал, кто настоятель монастыря. Возможно, игумен Николай к сентябрю 1924 г. скончался или покинул обитель. Есть предположение, что в 1921-1924 гг. настоятелем монастыря был игумен Николай. Биография игумена Николая не установлена.

Документально установлено, что 12 июля 1925 г., в 1930 г. и 1934 г. настоятелем Преображенского монастыря был иеромонах Рафаил [25; 14, 24об.; 43, 6-35]. Следовательно, перед уничтожением монастыря обителью руководил иеромонах Рафаил. Его дальнейшая судьба не установлена.

Воспоминания жителей Чоповичей и близлежащих сёл – Мелени, Тростяницы свидетельствуют о том, что обитель не была тайной. Это подтверждается исследованием документов. В Преображенский монастырь поступали монахи из закрытых монастырей, послушники молодые и в возрасте принимали постриг. Численность насельников не была большой и постоянной. Под термином «насельник» мы подразумеваем настоятеля, священнослужителей, монахов и послушников, из которых образуется монашеская община.

Анализ документов, воспоминаний и публикаций позволил собрать сведения о насельниках, на основании чего был составлен поимённый список из 33-х лиц, подвизавшихся в 1917-1934 гг. в Кипяческом Спасо-Преображенском мужском монастыре. Из них 22 монашествующих, 1 священник-миссионер и 10 послушников. Воспитанник Кипяческого монастыря архимандрит Парфений (Невмержицкий П.И.) в 1972 г. вспоминал: «В одном со мной Преображенском монастыре «Кипяче» находилось около тридцати человек монахов» [14, 23].

Численность насельников менялась. Анализ документов показывает, что на момент нападения на обитель 2 сентября 1921 г. в ней проживало 12 человек [14, 22об.; 6, 5]. После сожжения Спасо-Преображенского монастыря в 1924 г. в нём проживало 7 человек – 6 монахов и один послушник [23, 415-451]. Эта численность указывается в регистрационных карточках Кипяческой монашеской общины. Однако анализ почерка показал, что из семи карточек четыре заполнены одним и тем же почерком. Создаётся впечатление,

что регистрация монахов Кипяческой обители происходила не в самой обители, но в кабинете чиновника. Приехавшие представители монастыря заполнили семь карточек, и это устроило обе стороны.

Для выявления лиц, не прошедших регистрацию, но в 1924 г. проживавших в общине, был проведен анализ других документальных источников и воспоминаний. Выяснилось, что во время оформления регистрационных карточек в Кипяческом монастыре проживали монах Иннокентий (Рыбалко И.И.), послушник Невмержицкий П.И. [14, 22об.], послушник Фещенко Адам Петрович [42] и миссионер-священник Михайлов Виктор Семёнович [44, 8-8об.]. Отсюда следует вывод, что в 1924 г. в Спасо-Преображенской обители проживало не менее 11 насельников.

В 1927 г. сообщалось, что в Малинском районе «имеется... 6 монахов» [45, 1]. Учитывая то, что в данном районе кроме Спасо-Преображенского мужского монастыря не было других обителей, мы полагаем, что сообщается количество зарегистрированных монахов данной обители.

16 мая 1928 г. из Коростенского округа сообщали в НКВД УССР, что в округе действуют два монастыря – «Овручский.., Чоповичский (д. Кипячье)» [46, 27-28]. В Коростенском округе было зарегистрировано 4 монаха и 14 монахинь. Считаем, что 4 монаха были насельниками Кипяческой обители, монахини – Овручского Васильевского монастыря.

Динамику численности насельников определяла хозяйственная деятельность обители. Часть монахов и послушников уходили на заработки, сбор пожертвований или отлучались к родственникам. Поэтому регистрация не отражала реального числа насельников обители. Анализ документов позволил сделать вывод, что ежегодно в обители проживало не менее 11 насельников. Общая численность их колебалась от 4 до 30 человек.

3.3. Кипячская Казанская церковно-приходская община (1921-1934)

В 20-30-е гг. в УССР существование религиозных организаций регламентировалось инструкцией Народного комиссара юстиции и НКВД УССР от 27 апреля 1923 г. «Про порядок реєстрації релігійних товариств», а также Административным Кодексом УССР 1927 г. В этих правовых актах не говорилось о запрете монашеских общин или монастырей, но их регистрация не предусматривалась. Без регистрации ни одна религиозная организация не могла официально существовать и брать у государства в пользование культовое сооружение.

Монашеские общины юридически оформлялись как хозяйственные единицы в виде трудовых артелей, кооперативов и т.п. Однако они не могли взять у государства в бесплатную аренду храм. Только приходские религиозные общины имели право на регистрацию и аренду храма. Им разрешали принимать священника для богослужений и заботиться о культовом сооружении. Для того, чтобы монастырь мог продолжать богослужебную жизнь, миряне образовывали церковно-приходскую общину, регистрировались и получали в пользование монастырскую церковь. В 20-30-е гг. наблюдается своего рода синергия – сочетание усилий приходских приходов и монашеских общин. Это позволяло монахам продолжать богослужение, придерживаясь монастырского устава. Такое же явление мы наблюдаем и в урочище Кипячее. С 1921 по 1934 гг. в урочище Кипячее юридически была оформлена только приходская община Казанской церкви. Однако богослужение в ней совершали монахи монастыря и, по всей вероятности, совершался суточный круг богослужения, характерный для монастырей. Опишем Казанскую церковно-приходскую общину в урочище Кипячее.

«Религиозные общины прав юридического лица не имеют», – писалось в Административном Кодексе УССР (1927) [47, 102]. Поэтому храмы и предметы религиозных обрядов находились в ведении местных органов власти [48, 87]. Приходские общины брали в бесплатную аренду культовые помещения и несли юридическую ответственность за их состояние, вели финансовую и хозяйственную отчётность.

Чтобы позволили служить в церкви, необходимо было организовать приходскую общину и её зарегистрировать. Процесс регистрации был делом хлопотным. Приходская община должна была состоять из пятидесяти человек [49, 184]. Для этого верующие проводили учредительное собрание, на котором избирали пятьдесят человек учредителей. Все пятьдесят учредителей должны были вместе прийти к нотариусу и заверить свои подписи. После этого документы, которые подписывала «пятидесятка», считались действительными. Для подачи заявления и других документов покупалась гербовая бумага, гербовые марки, выплачивалась государственная пошлина за оказанные услуги органами власти и нотариальные услуги. «Пятидесятка» должна была зарегистрироваться в отделе общественных организаций (МЕКОСО) и в районном отделе культов. Регистрация могла длиться до полугода. В течение этого времени местные спецслужбы (ОГПУ), отделы культов, окружные исполкомы и партийные руководители решали, регистрировать общину или нет. Когда община получала регистрацию, то она обращалась в местные советы с просьбой передать им в бесплатное пользование церковь. Местные органы власти могли дать согласие, могли отказать. Приходская община обязана была ежегодно подавать финансовые и имущественные отчёты, сообщать сведения об общине, приходском священнике, платить страховой сбор, налоги и ремонтировать церковь.

Предполагаем, что в 1921 г. Кипячская Казанская церковная община была образована и зарегистрирована в Ликвидационном комитете Киевской губернии. В 1923 г. община зарегистрировала свой устав и приняла в аренду церковь [50, 15]. Известно, что в это время община была малочисленной и очень бедной [51, 26].

18 октября 1923 г., обращаясь в Киевский Губернский ликвидком, Казанская община сообщала, что богослужение совершает в часовне, богослужебные книги берёт у соседних церковных общин. Казанская община просила «о снабжении нашей бедной общины богослужебными книгами, а также церковною утварью из имеющегося в распоряжении Губликвидкома запаса» [51, 24-24об.]. К протоколу приложен список «церковной утвари, необходимой для отправления богослужений в храме» [51, 25]. Анализ списка показывает, что община не имела для совершения богослужения даже священных предметов (чаша, дискос, копие и т.д.). Для «беспрепятственного отправления в храме богослужений» просили тридцать четыре богослужебных книги [51, 24об.-25].

3 ноября 1923 г. совет 4-го благочиния Малинского округа писал: «подтверждаем изложенное в нём и свидетельствуем, что бедность церковной утвари и других предметов церковно-Богослужебного обихода в храме урочища Кипячее часто граничит с такой крайностью, которая отнимает у Богослужения его благолепие.

Будучи малочисленной, с одной стороны, а с другой, – неся аккуратно и исправно расходы как государственного, так и местного характера, эта община действительно не имеет средств и возможности покрыть свои настоячиво-неотложные нужды» [51, 26]. В 1926 г. община уже имела всё необходимое для богослужения, а в храме насчитывалось более 200 предметов.

В 1923 г. председателем церковного совета был Павел Андреевич Фещенко. Он родился в 1892 г., хлебороб-середняк, грамотный (по тем временам большая редкость). Секретарём Казанской общины был послушник Кипяческого монастыря Завадский Иван Фёдорович [51, 240б].

В 1923 г. настоятелем Казанской церкви был священник Николай Иванович Дереха [51, 240б]. О нём сведений не имеется.

В 20-е гг. образовалось множество различных раскольнических течений, которые разрушали Церковь. Согласно терминологии документов тех лет под термином «тихоновский приход», «тихоновцы», «славянский приход» подразумевались те, кто придерживался патриарха Тихона (Белавина) и экзарха Украины. Термин «обновленческий приход», «синодальный приход», «обновленцы», «живисты» принадлежал тем, кто придерживался раскольников, – обновленцев, управляемых «Высшим церковным советом» или «Украинской автокефальной православной синодальной церковью». Обновленческое течение поддерживало все реформы власти и принимало участие в преследовании «тихоновцев». Тихоновское течение считалось контрреволюционным, т.е. политическим врагом и по отношению к нему велась репрессивная политика.

Отдел культов всегда отмечал, к какой ориентации принадлежал приход. Казанская община в урочище Кипячее причисляла себя к «старославянской» Церкви, т.е. придерживалась тихоновского течения [15, 14]. Стойкими тихоновцами считались насельники Спасо-Преображенского монастыря.

Престольные праздники Казанской общины были такими же, как и у Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря. О них подробно написано в разделе «Церковное богослужение и монастырские праздники».

До нас дошли ведомости за 1925-1926 гг. Из них мы узнаём численность, социальное положение и культурный

уровень членов Казанской общины – социальный портрет общины, динамику изменений в ней.

В 1925 г. численность «общины Св. Казанской церкви в Кипячем при селе Чоповичи» составила 265 человек [15, 14]. Мужчин было больше, чем женщин [15, 14]. Все записывались семьями, но без малолетних детей.

Отдел культот интересовал возраст верующих, поэтому указывалась численность различных возрастных групп. В общине большинство прихожан были в возрасте старше 30 лет. Вторую позицию занимали прихожане 25-30 лет. Они все были семейными и записывались супружескими парами. В наименьшую возрастную группу входили лица младше 20 лет [15, 14].

Культурный уровень общины определялся количеством образованных членов. Указан образовательный уровень только 45% (119 чел.), из них 45% не умели читать и писать. Только двое имели начальное образование (0,75%), которое, наверное, получили до революции [15, 14].

Казанская община в большинстве своём состояла из крестьян – в основном, бедняков (73%), вторую позицию занимали середняки (22%), третью – люди свободных профессий (3%), четвёртую – служащие (2%) [15, 14].

В 1926 г. Казанская община перерегистрировалась. Община состояла из крестьян сёл Чоповичи, Сычевка и Тростяница [13, 4-6]. В 1923 г. председателем Казанской общины избрали двадцатилетнего чоповчанина Белошицкого Дмитрия Матвеевича. Его близкие родственники тоже были членами общины: жена, два родных брата – Василий и Степан с жёнами. Прежний председатель общины Фещенко Павел Андреевич оставался в общине. Секретарём неизменно был Завадский Иван Фёдорович [13, 4].

1 января 1927 г. отдел культот Малинского района составил новый социальный портрет Казанской общины. Община

состояла из 53 семей, численность составила – 144 человека. Неизвестно почему в 1926 г. в регистрационных документах уменьшилась численность общины. Женщин было больше, чем мужчин [13, 3; 45, 17]. Большинство были старше 30 лет (67%), вторую позицию занимали 20-30-летние (28%), третью – совершеннолетняя молодёжь до 20 лет (5%) [45, 17].

Большинство членов общины были неграмотными (70%), треть (30%) имели образование [45, 17]. По сравнению с прежним составом в общине увеличилось число грамотных. Среди них – 38 имели начальное образование и 6 человек – среднее образование.

Большинство были крестьянами-бедняками (76%), вторую позицию занимали крестьяне-средняки (24%). По сравнению с составом общины в 1925 г. увеличилось число бедняков и середняков. Если в прежнем составе были служащие и лица вольных профессий, то теперь их не было.

Так как источниковая база крайне скудна, мы не можем объяснить причин перемен, произошедших в 1926 г. в составе Казанской общины. В общину продолжали записываться семьями. Список составлялся не по алфавиту, а по семейному составу. Каждую семью начинали писать с главы семейства. В общине было большое число мужчин, среди них много молодёжи от 18 до 30 лет. Разумеется, в документах не указано действительное число постоянных прихожан Казанской церкви в урочище Кипячее. После закрытия храма (1929 г.) в селе Чоповичи должно было возрасти число прихожан Казанской церкви. Если учесть, что в урочище постоянно приходили паломники, то вполне возможно, что с весны и до поздней осени каждое воскресенье в Казанском храме молилось много людей.

Приведенные данные о Казанской общине собирались отделом по делам культа для того, чтобы понимать, на какие слои населения опирается религия. Регистрационные

документы показывают, что подавляющее большинство членов были крестьянами-бедняками. Это была та социальная группа, на которую опиралась советская власть. Крестьяне-бедняки освобождались от налогов, а крестьян-середняков облагали умеренным налогом. Каждый мог излишки зерна и другого продовольствия реализовывать на своё усмотрение. Значит, члены общины могли жертвовать свои продукты труда на монастырь или храм. По имущественному признаку значительная часть из них были крестьянами-собственниками. Крестьянин-собственник имел небольшой надел земли и был основной хозяйственной фигурой на селе. Но таких крестьян в общине было только 40%. Как кормила себя другая часть членов Казанской общины? Если учесть, что в Чоповичах были артели, кооперативы и часть крестьян зарабатывала ремёслами, то, возможно, оставшиеся члены общины этим и зарабатывали на хлеб. Они могли жертвовать на храм деньгами.

Исторически был обусловлен уровень образованности общины. Подавляющее большинство крестьян не умели писать и читать. Однако в 1926 г. число образованных резко увеличивается с 2 до 38 человек. Если в 1925 г. не было лиц, имеющих среднее образование, то теперь их было 6 человек [45, 17]. На селе образованные крестьяне всегда пользовались большим уважением и авторитетом.

К сожалению, крестьяне не оставили своих воспоминаний о Казанской общине, и мы постарались извлечь максимальное количество сведений из документов, написанных сухим, канцелярским языком. Известно, что община вела свою документацию, но она не сохранилась. Старожилы Чоповичей, Тростяницы и Мелени рассказывали, что в Казанской церкви венчали и крестили.

Имущественное состояние прихода. В 1923 г. приход был настолько беден, что совершение богослужений зависело от

того, сможет ли община получить необходимые священные сосуды и богослужебные книги из приходов соседних сёл.

К 1926 г. община имела более двухсот предметов (201): иконы, богослужебные книги, священные сосуды, священническая одежда [13, 15-19об]. В 1929 г. в инвентарной книге было записано 223 церковных предмета [13, 22-24об.].

До нас дошёл только один годовой финансовый отчёт Казанского храма. В 1928 г. казначей Казанского храма Фещенко подал в Малинский отдел культов финансовый отчёт Казанской церкви:

Годовой финансовый отчёт Казанской церкви за 1928 г.	
Доход	589 рублей 46 копеек
Расход	584 рубля 28 копеек
Прибыль	5 рублей 18 копеек

Мы полагаем, что доход церкви зависел от сезона и поступление денег в казну происходило в дни больших праздников в Спасо-Преображенском мужском монастыре, когда сюда приходило много паломников и крестьян из окрестных сёл. На основе годового отчёта за 1928 г. сделаем характеристику финансового состояния Казанской общины:

Среднемесячная финансовая характеристика за 1928 г.	
Доход	49 рублей 12 копеек
Расход	48 рублей 69 копеек
Прибыль	43 копейки

Так как неизвестна покупательная ценность денег данного периода, трудно сказать, был ли доход высоким или нет. Прихожане и паломники были крестьяне, которые жили натуральным хозяйством, и их денежные доходы были огра-

ниченными. Скорее всего, большинство из них жертвовали натуральные продукты.

Среднемесячный расход почти покрывал доход – 48 рублей 69 копеек. На что могла община тратить свои средства? В 20-е гг. церковная община имела постоянные расходы: покупка гербовой бумаги, выплата страховки за храм, выплата зарплаты священнику. Были и единовременные расходы: поточный ремонт храма, ремонт утвари, покупка богослужебных книг.

Среднемесячная прибыль была маленькой – 43 копейки. Церковный приход не стремился из своей деятельности извлечь прибыль. Поэтому можно утверждать, что Казанская община для содержания храма и святого источника полностью себя обеспечивала.

Нет прямых документальных свидетельств, показывающих связь между Кипяческой приходской общиной Казанской церкви и монашеской общиной Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря. Она выявляется путём тщательного анализа регистрационных документов Казанской общины.

18 октября 1923 г. «церковный совет религиозной общины Св. Казанской церкви в Кипячем при селе Чоповичи Малинского округа Киевской губернии» просил Киевский губернский ликвидком выделить ему богослужебные предметы и книги. К просьбе приложен список необходимых книг. Под №30 записано: «Чин в пострижение в монашество – 1» [50, 25]. Приходскому храму не нужна книга для пострижения в монашество, в ней нуждалась Кипяческая монашеская община. Чтобы помочь разорённому Спасо-Преображенскому монастырю, Казанская приходская община включила книгу в свой список.

Обычно монахи тех или иных монастырей записывались в состав приходской общины. Анализ списка 1926 г. учре-

дителей Казанской общины показывает, что секретарем общины был Завадский Иван Фёдорович, которого в общем списке членов общины нет [13, 306.; 51, 240б.]. С 1917 г. он был послушником и псаломщиком в Спасо-Преображенском мужском монастыре [23, 415].

Анализ списка членов общины 1926 г. выявил родственную связь между монахом Кипяческого монастыря и членом Кипяческой религиозной общины. Под №4 записан житель деревни Тростяница бедняк Сергиенко Иван Николаевич пятидесяти лет, содержавший семью из шести душ [13, 7]. Его родной брат Сергиенко Пётр Николаевич был монахом в Кипяческом Спасо-Преображенском монастыре. По свидетельству дочерей Ивана Николаевича братья поддерживали близкие отношения [14, 13-26, 350б.].

Документально установлено, что в Казанском храме служил настоятель с братией Преображенского монастыря [14, 5]. В народном сознании Казанский храм в урочище Кипячее воспринимался как храм Спасо-Преображенского мужского монастыря. Белошицкий Д.М. вспоминал, что когда закрывали церковь, то у монахов отбирали ключи от Казанской церкви [28].

Изучение монастырского кладбища также позволяет выявить тесную связь между двумя общинами. Согласно описи имущества Казанской церкви кладбище числилось за церковной общиной [13, 150б.]. Возможно, отпевание покойников совершалось в Казанской церкви. Осмотр сохранившихся могильных деревянных крестов показал, что на Кипяческом кладбище, возможно, похоронено два члена церковной общины: Фещенко Пелагея Герасимовна, Фещенко Василий Иоаннович (1905-1928) [13, 13-150б.]

Приходские праздники Казанского храма полностью совпадают с монастырскими праздниками Преображенской

обители. Это тоже служит доказательством взаимосвязи между двумя общинами.

Не найдены документы 1930-1934 гг., раскрывающие деятельность Казанской приходской общины, документально не установлены обстоятельства закрытия прихода или уничтожения Казанского храма в урочище Кипячее. Храм и всё имущество храма были собственностью государства, и распорядиться им могло только государство. Поэтому считаем, что это событие должно было отразиться в документах.

3.4. Местные исторические обстоятельства, позволившие развиваться монастырю (1921-1934)

Несмотря на политику уничтожения монастырей и монашеских общин, братия Преображенского монастыря в 1921-1927 гг. вновь построила монашеские дома, оборудовала церковь, принимала паломников и т.д. Чтобы понять этот феномен, необходимо выявить исторические обстоятельства, характерные для местного региона, понять, что позволило Преображенскому монастырю не захиреть, но развиваться.

Чтобы иметь представление, насколько в 20-30-е гг. было тяжело и проблемно существование монастырей, приведём ряд исторических примеров. В 1904 г. в селе Полевая Слободка Янушпольской волости Житомирского уезда Волынской губернии⁷ по инициативе местных крестьян открыли Свято-Троицкий мужской монастырь. В 20-е годы XX столетия монастырь был закрыт [52, 4-5].

В 1926 г. мужской монастырь Рождества Богородицы, находившийся в урочище Церковщина Киевского округа, был закрыт [53, 318].

⁷Ныне с. Полевая Слободка Чудновского района Житомирской области.

В Киеве Флоровский женский монастырь закрыли в 1923 г., монастырская церковь передана приходской общине. Монашки продолжали жить в корпусах и работали в трудовой артели «Женшвей» и «Кистбанк» [54, 16]. 7 октября 1929 г. Президиум Киевского горсовета обратился в Президиум ВУЦИК утвердить их постановление о закрытии церкви на территории киевских монастырей и выселении монашествующих из помещений Киево-Печерского, Флоровского, Ионовского, Покровского, Китаевского и Преображенского монастырей [54, 3]. В 1930 г. сестёр Флоровского монастыря выселили из обители.

Обратимся к истории обителей, находившихся недалеко от Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря. Село Кмитов Левковской волости Житомирского уезда Волынской губернии⁸ (98 км от Чоповичей): здесь женский монастырь образован в годы гражданской войны. В 1918 г. в Кмитове поселились монахини-беженки из Зимненского женского монастыря, находившегося во Владимир-Волынском уезде Волынской губернии. В 1920 г. крестьяне решили построить монастырь возле источника и возвели Свято-Троицкий храм. Местные жители, церковное братство соседнего села Студеница дружно поддерживало монахинь. Но 24 марта 1923 г. Президиум Волынского губернского исполкома принял постановления №24 и №15-а об использовании монастыря в Кмитове в хозяйственных целях [55, 199]. Таким образом, монастырь, не успев образоваться, был закрыт. В 1932 г. в Кмитове продолжали жить монахини [44, 10].

Свято-Васильевский женский монастырь в Овруче Волынской губернии (75 км от Чоповичей): в 1922 г. принято секретное постановление Волынского губернского исполкома

⁸ Ныне с. Кмитов Коростышевского района Житомирской области.

о закрытии всех монастырей в Волынской губернии, кроме женской Овручской обители, чтобы туда свозить монахов со всей Волынской губернии [11, 7]. Через 7 лет, в 1929 г. Овручский монастырь закрыт. Монастырский Васильевский храм остался в ведении церковной общины, в состав которой входила монашеская община закрытой обители [56, 133].

Приведенные примеры говорят о том, что в двадцатые годы Киевские и Волынские органы власти активно вели работу по закрытию монастырей и разрушению монашеских общин – ещё в 1922 г. все губернские и уездные исполкомы получили подробную инструкцию по закрытию монастырей [11, 7]. Однако монашеские общины продолжали находиться в монашеских корпусах, которые уже им не принадлежали и совершали богослужения в монастырских храмах, которые принадлежали церковно-приходским общинам. В 1929 г., руководствуясь политической целесообразностью, в Волынском и Киевском округах прошла компания по выселению монахов из монастырских построек, и к 1930 г. большинство древних монастырей прекратили своё существование.

Условия НЕПа позволяли монашеской братии сохранять своё единство в форме трудовых артелей, кооперативов, сельскохозяйственных общин. Но они не могли развиваться, не могло увеличиваться число братии. Например, в Киево-Печерской Лавре число братии сокращалось.

Мы полагаем, что Преображенская община смогла существовать и развиваться в силу ряда факторов, имевших чисто местный характер. Первый из них заключался в том, что в 1921 г. монастырь сожгли. К моменту окончательного утверждения советской власти в селе Чоповичи не было конгломерата монастырских построек. Была община, которая, возможно, проживала в домах крестьян соседних сёл и хуторов. Первые дома для монахов построили только в 1922–24 гг. Следовательно, юридических причин закрывать монастырь

не было, более того, – их неоткуда было выселять. Возможно, поэтому в документах советских органов власти мы не встречаем сообщений о монастыре с 1921 г. по 1923 г.

Был ещё один юридический казус: монастырская земля национализировалась на основе документации, составленной до 1917 г. Преображенский монастырь образовался в 1918 г., при власти гетмана Скоропадского. А мы знаем, что в 1918-1920 гг. землю монастырю дарили, и документы дарения должны датироваться 1918-1920 гг. Когда подготавливали документацию по национализации монастырской земли, то обращали внимание на документы, написанные до 1917 г.

Это недоразумение должны были разрешить местные органы власти. В 1923 г. решением Волынского губернского исполкома в селе Кмитово закрыли монастырь, имущество которого пошло на хозяйственные цели. Окажись Кипячее в Волынской губернии, так было бы и с Преображенским монастырём. Однако Чоповичи входили в состав Киевской губернии и на судьбу монастыря повлияли местные особенности работы органов власти.

В начале двадцатых годов на эффективность работы новой власти существенно влияли условия сообщения между городами и сёлами. В нашем случае мы полагаем, что затруднённое транспортное сообщение между селом Чоповичи и административными центрами стал объективным фактором, не позволившим органам власти быстро взять под контроль Кипяческий Преображенский монастырь, который находился на окраине Киевской губернии, на окраине Радомысльского уезда и даже на окраине Малинской волости. Итак, проводившаяся административная реформа затруднила работу отдела культов по отделению Церкви от государства.

Рассмотрим административную реформу. Она велась с 1923 по 1937 гг.: с 1921 по 1923 гг. село Чоповичи входило в состав Малинской волости Радомысльского уезда Киев-

ской губернии; 23 апреля 1923 г. Чоповичи стали районным центром Чоповичского района Малинского округа Киевской губернии; 10 сентября 1924 г. ликвидирован Чоповичский район, а вскоре, 28 ноября 1924 г., ликвидирован Малинский округ и образован Малинский район; 13 марта 1925 г. Малинский район вышел из состава Киевской губернии и вошёл в состав Коростенского округа Волынской губернии; 3 июня 1925 г. в СССР ликвидируют губернии – Коростенский округ подчинили Харьков; 7 апреля 1927 г. вновь образован Чоповичский район, который просуществовал до 5 февраля 1931 г. [57, 8].

Функции по реализации «Декрета об отделении церкви от государства» возлагались на отделы культов и ГПУ. Эти органы власти находились не в сёлах, но уездных, окружных и районных центрах. Учитывая административную реформу, дело о Кипяческом монастыре переходило из одной ведомственной организации в другую.

В 1921-1923 гг. отдел культов Радомысльского уезда оформил дела на религиозные общины. В 1923 г. образуют Чоповичский район, и дело Кипяческой Казанской религиозной общины и монашеской общины передают в районный центр – Чоповичи. Через год с небольшим ликвидируют Чоповичский район – дела передали Малинскому районному отделу культов, значит, их перевезли в г. Малин. Из-за административной реформы с 1923 по 1924 гг. отделу культов пришлось дважды перевозить свои дела и дважды обустроиваться для налаживания своей работы. С 1921 по 1925 гг. все отчёты о работе Чоповичского и Малинского районов поступали в губернский город Киев⁹.

В 1925 г. Малинский район подчинили Коростенскому округу Волынской губернии, и если в Киеве имели представ-

⁹ С 1919 по 1934 гг. столицей УССР был Харьков.

ление, как работает Малинский отдел культов, то об этом никто не имел понятия в Коростене и в административном центре Волынской губернии Житомире. Через пару месяцев Коростенский округ подчинили Харькову и с 1925 по 1934 гг. отчёты из Малинского района поступали в Коростень, а оттуда в Харьков.

Конечно же, понадобилось немалое время для налаживания работы и связи между Малинским районным отделом культов и вышестоящими организациями. Столь частые административные перемены объективно затрудняли работу местных органов власти и, в частности, отдела культов. Наше предположение подтверждается тем, что за указанный период мы нашли только один документ, составленный в 1924 г. Это регистрационные карточки насельников Кипяческого монастыря. А вот в соседней – Волынской губернии регистрационные карточки «служителей культа» были составлены на два года ранее, в 1922 г. и отлично сохранились.

Рассмотрим результативность работы отдела культов, который постоянно переезжал и переподчинялся. Очень плохо сохранились все документы 20-х гг. Малинского района, но особенно редко встречаются документы отдела культов – нам удалось найти лишь два документа.

В одном из них, датированном 1927 г., сообщалось, что в 1925 г. в отделе культов Коростенского округа шесть раз менялись руководители окружного отдела, поэтому «работа по отделению церкви от государства почти не проводилась... План работы совсем не составлялся, а сама работа была бессистемной. Такое состояние Ок(ужного)отдела культов безусловно отразилось и на работе Райадминотделов в этой отрасли, благодаря отсутствию надлежащего руководства» [15, 45]. Если добавить к кадровой и делопроизводственной неразберихе передачу дел Малинского района из Киевской

губернии в Коростенский округ, то становится понятно, почему за 1925 г. мы не встречаем документов о деятельности Кипяческой Казанской религиозной общины или Спасо-Преображенского монастыря.

2 июля 1926 г. начальник Коростенского окружного отдела культов Марчук К. в секретном акте обследования работы Малинского районного административного отдела писал: «в деле отделения церкви от государства, при этом выявлено следующее: в отрасли совершения контроля за деятельностью религиозных общин и духовенства также нет достижений. Религиозные общины существуют фактически, юридически ж они не оформлены, утверждённых уставов 50-ти десяток¹⁰ религиозных общин не имеют, не имеется и других документов: списки объединения, списков учредителей, условий и др. В отдельных папках, большинство без оглавления, находятся разные неформенные списки про ту или иную религиозную общину, что уже утратило всякое значение. Таких общин насчитывается 33» [50, 15]. Перечисляя общины он называет и Кипяческую религиозную общину. В документе подчёркивается, что большинство общин «старославянской ориентации». Это означало, что Малинские районные органы власти не насаждают обновленческий раскол, не борются с тихоновским движением. Подобное считалось серьёзным недочётом. Далее Марчук подчеркнул важную для нас деталь: «Распоряжения центра выполняются не всегда своевременно, так: распоряжение ОАО от 16 апреля 1926 г. про присылку ведомости, про существующие монастыри не выполнено...» Следовательно, в 1926 г. в Коростене не имели представления о Кипяческом монастыре. Только с 1927 г. в документах пойдёт речь о монастыре в урочище Кипячее.

¹⁰ Здесь допущена ошибка: автор имел в виду религиозные общины, состоявшие из 50-ти человек.

Начальник Коростенского окружного отдела культов далее сообщал, что в Малинском районе «чудес ... не замечено». Сообщение о том, что в Малинском районе чудес нет, подтверждает то, что в Коростене не знали о существовании Кипяческой обители. Необходимо пояснить, почему мы это утверждаем.

В 1920-1925 гг. в Украине наблюдалось массовое обновление икон и другие чудеса. Приведём примеры. В 1920 г. в Киеве в доме члена приходского совета Свято-Троицкой церкви, находившейся на Батыевой горе, Васютиной Екатерины Кирилловны обновилась икона Николая Чудотворца [24, 1]. В мае 1921 г. в с. Закусила Народичской волости Овручского уезда Волынской губернии¹¹ в домах крестьян тоже стали обновляться иконы. Вскоре был арестован местный священник Миролюбов Арсений Владимирович, который «служил молебны по поводу обновления икон и тем самым ввёл в заблуждение несознательную крестьянскую массу, которая приняла все это как святыню, и поэтому ему было предъявлено новое обвинение в халатности отношений к народному достоянию и в к[онтр]/р[еволюционных] деяниях» [58, 53]. По мнению эксперта-химика обновление икон произошло «от действия, главным образом, дурных запахов, всегда сопровождающих человека (сероводород)...» [53, 49]. В 1921 г.новились иконы в хатах крестьян с. Бовсуны Лугинской волости Овручского уезда Волынской губернии¹² [53, 31]. 29 мая 1922 г. политработник Полищук А. в своём докладе писала, что обновление икон «распространяется по всем сёлам, как эпидемия», и делала вывод, что «тут есть политический к[онтр]/р[еволюционный] заговор...» [53, 11]. В 1923 г. возле села Голинчинцы Могилёв-Подольского

¹¹ Ныне с. Закусила Народичского района Житомирской области.

¹² Ныне с. Бовсуны Лугинского района Житомирской области.

округа произошло чудо в Иосафатовой долине, которое породило массовое паломничество туда.

Власть все чудеса рассматривала как проявление контрреволюции, как форму борьбы с политикой и мероприятиями советской власти. Поэтому чудеса, которые всегда были предметом рассмотрения и осмысления церковной властью и верующим народом, стали важным политическим аспектом в работе советских органов власти. Чудесам придавалось настолько важное значение, что все губернские отделы управления обязаны были раз в неделю в донесениях об особо важных происшествиях и событиях, произошедших в губернии, сообщать о чудесах [11, 5]. Для этого в отчёте имелась специальная графа. Священников, совершавших молебны перед обновлёнными образами, подвергали политическим репрессиям.

Воспоминания жителей сёл Мелени и Чоповичи и документы говорят, что в урочище Кипячее от вод источника паломники получали исцеления. Но в 1926 г. начальник Коростенского окружного отдела культов Марчук К. ничего об этом не знал. Следовательно, он не имел представления о существовании Кипяческого монастыря и источника.

После проверки Малинский районный отдел культов результативно заработал. В августе 1926 г. была зарегистрирована «православная религиозная община в урочище Кипячее» [13, 1-15].

В 1927 г. в докладной записке сотрудника Малинского административного отдела впервые говорится о Кипяческом монастыре, описывается его история и сообщается об исцелениях на источнике [15, 45]. Хотя еще в сентябре 1927 г. начальник Коростенского окружного отдела культов писал: «Несмотря на неоднократные напоминания РВК Овручскому и Чоповичскому – отчёт про движение религиозных общин до сих пор не прислан...» [15, 55].

Анализ работы отдела культов Малинского района 1923-1927 гг. показывает, что административная реформа, текучка кадров нарушала работу отдела культов. Поэтому местный отдел культов не во всей полноте осуществлял «Декрет об отделении церкви от государства» и полагающиеся ведомственные инструкции. По этой причине не велось постоянного наблюдения за Спасо-Преображенским мужским монастырём и Казанской церковно-приходской общиной. Советская власть в Чоповичах утвердилась в 1921 г., однако только через 3 года (в 1924 г.) Преображенская монашеская община была поставлена на учёт. Через 3 года (в 1927 г.) монастырь был вновь зафиксирован, и о нём стали постоянно упоминать в документах.

В течение 17-летней истории монастыря его второй период с 1921 г. по 1934 г. является самым длительным – 13 лет. В течение этого периода – на протяжении 6 лет (1921-1927) Преображенская обитель не находилась под постоянным контролем отдела культов, что составляет 46%. временно-го отрезка. Анализ застройки монастыря, проводившейся во второй период истории обители, показал, что она была произведена в 1921-1927 гг., т.е. в тот временной отрезок, когда обитель выпала из поля зрения органов власти. Таким образом, мы наблюдаем корреляцию между строительными работами в Преображенской обители и эффективностью работы местного отдела культов. Отсюда следует вывод, что в 1921-1927 гг. отсутствовал постоянный контроль местного отдела культов за Кипяческой Преображенской обителью. Это позволило монастырю в 1921-1927 гг. провести строительство в урочище Кипячее.

Необходимо учитывать этно-культурный фактор, который в первой половине XX ст. был характерен для Полесья: это тесные родственные и общинные отношения. У помещиков «в коллективно (общественной) собственности были

пастбища, луга и отдельные сенокосы. Ничейными считались в большинстве случаев полесские реки, плавни и болотные массивы» [59, 249]. Кипяческий источник находился недалеко от реки в болотистой местности. Можно предположить, что святой источник был общинной собственностью чоповчан и в народном сознании воспринимался как общая святыня, которую дал сам Бог, когда явил в нём икону Божией Матери, после чего вода в источнике приобрела целебные свойства.

В 1917 г. чоповчанин Дидковский дарит афонскому Иоанно-Златоустовскому монастырю землю, находящуюся неподалёку от источника в урочище Кипячее. К святому источнику добавилась земля, которая из личной или частной собственности превратилась в землю обители святого Афона, т.е. землю Божию, святую. Считаем, что это мотивировало чоповичских крестьян жертвовать обители свою землю (1918-1920). Предполагаем, что зарождение монастыря носило общинный характер. Суть воспоминаний, их смысловой оттенок говорят о том, что крестьяне считали Преображенский монастырь своей святыней.

Следует, опять же, учесть характерные для Полесья тесные общинно-соседские отношения. Воспоминания и документы говорят, что братия имела родственные связи, близкие хозяйственные и межличностные отношения с крестьянами Чоповичей, Мелени, Тростяницы и дальних полесских сёл. В свою очередь, крестьяне участвовали в жизни монастыря. Они зарегистрировали Казанскую церковно-приходскую общину, которая поддерживала богослужебную жизнь обители, вместе с монахами строили монастырь и т.д. Монастырь и крестьяне помогали друг другу. Монастырь влился в жизни крестьян, а крестьяне влились в жизнь монастыря, это было тесное социальное взаимодействие.

Сотрудники чоповичских органов власти тоже являлись носителями этих культурных и психологических особенностей Полесья и, возможно, не желали вступать в конфликт со своими родственниками, друзьями и соседями. Вполне возможно, что в силу этих обстоятельств чоповичские местные органы власти доброжелательно относились к монашеской общине в урочище Кипячее и не принимали к ней требуемых мер.

Помимо отдела культов, который реализовывал политику отделения Церкви от государства, Православной Церковью занимались спецслужбы СССР – Главное политическое управление (ГПУ). В их компетенцию входило наблюдать за религиозными организациями и течениями, разрушать Православную Церковь, репрессировать духовенство, уничтожать монастыри и монашеские общины. Документы этой организации очень трудно найти. Не найдено ни одного документа ГПУ за 1921-1928 гг., в котором бы говорилось о монастыре. В 1928 г. Коростенское окружное ГПУ сообщает о монашеской общине, т.е. тогда же, когда монастырь стал известен и Коростенскому отделу культов. В Кипяческом монастыре были «выдающиеся тихоновцы», монахи помогали тихоновским приходам, в монастырь приходило много паломников, которых убеждали держаться тихоновского течения. Поэтому Коростенское окружное ГПУ должно было бороться с обителью так же, как это делало Киевское городское ГПУ по отношению к киевским монастырям. С 1928 по 1933 гг. было репрессировано четыре насельника монастыря. На территории Преображенского монастыря было арестовано два монаха. В 1928 г. арестовали иеродиакона Моисея (Кириченко) [6, 4]. Иеродиакон Моисей пользовался авторитетом, на нём была хозяйственная забота о монастыре и, как мы предполагаем, на его имя была записана часть монастырской земли. Однако анализ

заведенного дела показывает, что его арест не преследовал цели нанести удар по обители, – в ссылку он был отправлен за нежелание сотрудничать со следствием и сообщать имена чоповчан, которые состояли в чоповичском «Союзе русского народа».

В 1930 г. арестовали монаха Парфения (Невмержицкого). Его арест был спровоцирован доносом недоброжелателя [14, 3]. В те года откровенной клеветы было достаточно, чтобы репрессировать монаха.

В 1932 г. за пределами монастыря в Коростенском округе был репрессирован священник-миссионер Михайлов Виктор Семёнович, который в 1921-1925 гг. проживал в кипяческом монастыре и вёл борьбу с сектантами-хлыстовцами и католичеством. С 1925-1932 гг. он совершал миссионерские походы и нигде надолго не задерживался. В обвинительном заключении писалось: «вёл бродячий образ жизни и занимался антисоветской деятельностью» [44, 12].

В 1933 г. в Гомельской области Белоруссии был арестован иеромонах Арсений (Найденко Адам Иванович) и осуждён Особым совещанием при НКВД СССР. Его арест и осуждение не связаны с пребыванием в Кипяческой обители [60, 20].

С 1921 по 1934 гг. из общего числа насельников (30 человек) аресту было подвергнуто 4 человека. Никто из них не был репрессирован с целью разрушения монашеской общины Кипяческой обители. Если бы Коростенское отделение ГПУ стремилось разогнать обитель, то оно бы это сделали. Мы не можем объяснить причину бездействия Коростенского ГПУ по отношению к Кипяческой монашеской общине.

3.5. Разрушение Преображенской обители (1934)

В 1929 г. руководство СССР отказалось от политики НЭПа и перешло к политике индустриализации, т.е. энергичному развитию тяжёлой и лёгкой промышленности, что должно

было обеспечить экономическое процветание государства. Одновременно в сельском хозяйстве был взят курс на создание крупных коллективных производителей – колхозов. Без такого типа хозяйств об экономическом развитии государства не могло быть и речи. Коллективизация велась с 1928 по 1934 гг. Колхозы создавались на основе крестьянских хозяйств. Вступавший в колхоз имел право на приусадебный участок, мелкий скот и птицу. Разумеется, быстрая коллективизация не могла быть повсеместно встречена с одобрением.

Одновременно с созданием колхозов Сталин И.В. объявил о ликвидации на селе капиталистических элементов – кулачества, представителей культа и т.д. Коллективизация принесла в село высокую аграрную культуру, повысила производительность труда, улучшила быт крестьян. Но любые резкие перемены обычно вызывают протест и сопротивление в обществе.

Политика коллективизации изменила жизнь чоповчан. В 1928 г. в Чоповичах возник первый колхоз – «Победа». В 1930 г. все бедняки и большая часть середняков Чоповичей объединились в тринадцать сельскохозяйственных артелей. В 1934 г. были ликвидированы хуторские хозяйства, хуторян переселили в Чоповичи [5, 427].

В представлении большевиков одним из главных недостатков крестьянства было религиозное сознание, которое, как они считали, порождает антисоветские настроения. Коренное переустройство села предполагало изменение быта и сознания крестьян. В рамках политики коллективизации «служителей культа», членов церковных советов и особо деятельных христиан подвергали репрессиям, закрывались сельские храмы. В 1929 г. в Чоповичах закрыли Троицкий храм. Настоятель храма протоиерей Евгений Иосифович

Безвенглинский, семнадцать лет служивший в Чоповичах, вынужден был выехать в Киев¹³.

В марте 1934 г. в урочище Кипячье одновременно закрыли и разрушили Казанскую церковь и разогнали братию Преображенского монастыря [14, 250б]. Пока не найдены документы, раскрывающие обстоятельства закрытия обители.

Для того, чтобы понять, что же произошло в марте 1934 г. в урочище Кипячье, нам необходимо знать процессуальную сторону закрытия храмов и выселения монахов из монастыря. Юридически в урочище Кипячье была только приходская Казанская община. Согласно процессуальной норме закрытия храмов местные органы власти обязаны были принять постановления о закрытии храма. Затем подавалось заявление в органы власти округа. Окружная власть, если поддерживала решение о закрытии церкви, обращалась в Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета УССР, который утверждал решение местных органов власти или отклонял их. Только после этого храм закрывали и решали, какому приходу передать его имущество и какой организации передать на баланс здание церкви. Церковная утварь передавали в ближайший храм. Например, когда закрыли церковь с. Шершни Коростенского округа¹⁴, то иконы и книги передали в церковь с. Мелени Коростенского округа [61]. Как правило, в сёлах церковь переоборудовали под клуб (так было сделано в Мелени), склад или зернохранилище. Иногда церковь оставалась бесхозной. Не найдены документы, в которых бы говорилось о закрытии Казанской церкви в урочище Кипячье.

¹³ Безвенглинский Е.И. расстрелян 8 января 1938 г. в Киеве. Мы предполагаем, что он имеет непосредственное отношение к строительству часовни над источником в 1915 г. и основанию монастыря.

¹⁴ Ныне с. Шершни Коростенского района Житомирской области.

Такой же была процедура закрытия монастырей и выселения из них монахов. Например, в 1929 г. в Киеве было принято политическое решение: окончательно положить конец монашеским общинам как «религиозным центрам». Для этого решили одновременно закрыть все приходские храмы, находившиеся на территории бывших монастырей, а монахов выселить из бывших монастырских корпусов.

7 сентября 1929 г. Президиум Киевского горсовета принял такое постановление [54, 5], а 18 сентября 1929 г. Президиум Киевского окружного исполнительного комитета поддержал это требование и обратился в высший орган власти Украины – Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета УССР с просьбой утвердить постановление [54, 3]. При такой процессуальной стороне дела документы постепенно переходили из одного органа власти в другой, и бывало, что на решение о выселении монахов и закрытии монастырских храмов уходил год.

Такой процессуальной нормы должны были придерживаться и во время принятия решения о закрытии Казанской церкви и выселении монахов из их домов.

Закрытие Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря и Казанской церкви должны были найти отражение в советских документах. Однако так и не найдены постановления Чоповичского районного исполкома или Коростенского окружного исполкома о выселении монахов с хутора Кипячее, о закрытии Казанского храма. Не найдены жалобы чоповчан на закрытие храма. Возможно, интересующие нас документы не сохранились. Но, возможно, Преображенский монастырь и храм были ликвидированы быстро, путём произвола и превышения своих полномочий должностными лицами.

По времени разрушение Преображенского монастыря совпадает с закрытием хуторских хозяйств и переселением

хуторян в село Чоповичи. Согласно воспоминаниям сельчан из имущества хуторян, живших на левом берегу реки Ирша, и жителей села Чоповичи, проживавших в южной и западной части Чоповичей, была сформирована материальная база колхоза имени Ворошилова.

Старожилы Чоповичей рассказывали, что якобы председатель колхоза им. Ворошилова руководил разрушением Казанской церкви. Чоповчанин Белошицкий Демьян Михайлович вспоминал, что председатель колхоза пришёл в обитель и отобрал у монахов ключи от Казанской церкви. Забрал некоторые ценные вещи из храма и спрятал их на колхозном складе [28]. Монахи раздавали книги, иконы верующим людям из сёл Мелени, Тростяница и Чоповичи. Священные сосуды передали на хранение монахине Антонине. Она была родом из Тростяницы, и в 1934 г. в канун закрытия монастыря её постригли в монашество. Возможно, монахи надеялись вновь восстановить обитель.

Из колод от Казанской церкви в Чоповичах построили дом [42]. По другой версии колоды пошли на дрова в Чоповичское районное отделение милиции [1, 89]. На месте, где был источник и стояла церковь, «сделали кошару для колхозного скота» [1, 89].

Анализ биографий насельников позволяет говорить, что одновременно с закрытием церкви часть братии была насильственно вывезена в другие районы или округа, где им выдали паспорта. То есть часть братии подверглась административной высылке за пределы Чоповичского района. Это могли осуществить только сотрудники милиции или Коротенского окружного ГПУ. Жители окрестных сёл вспоминали, что часть насельников продолжала жить в монашеских домах. Они работали в лесу, пасли скот. Два монашеских дома были перевезены в Тростяницу.

Мы предполагаем, что настоятель монастыря иеромонах Рафаил поселился в Тростянице, где и умер. В этом селе кто-то из крестьян отдал свою хату монахам, в ней жили старенький иеромонах Парфений, иеромонах Леонид, монахиня Таисия. Иеромонах Парфений умер в Тростянице, а иеромонаха Леонида выслали за пределы Чоповичского района. Говорят, что он проживал в Малине. Дальнейшая его судьба не установлена [62].

Иеромонах Пахомий (Холупин Емельян Касьянович) с 1934 по 1935 г. проживал в Тростянице Чоповичского района. После того, как ему отказали в получении паспорта, ходил по сёлам Чоповичского района, совершая таинства и молебны [43, 7-18]. 30 июля 1937 г. его расстреляли в Житомире. Следователю он сказал: «Я, Холупин Емельян Касьянович, следствию заявляю, что остаюсь по гроб своей жизни христианином и буду по гроб жизни монахом-священником» [43, 60б.].

Монаха Иннокентия (Рыбалко Иван Иванович) в 1934 г. рукоположили в сан иеромонаха и направили служить в село Нижняя Дубечня Вышнעדубечанского района Киевского округа¹⁵ [14, 32]. В 1937 г. иеромонаха Иннокентия арестовали в Малине. Отрицая своё участие в контрреволюционной организации церковников Малина, отказался называть кого либо из «членов» этой организации. Заявил, что действовал и говорил в силу своих религиозных убеждений. 27 сентября 1937 г. расстрелян в Житомире [63, 17].

Иеродиакон Парфений (Невмержицкий Павел Иосифович) в марте 1934 г. был направлен в Братский монастырь Киева, где находился правящий архиерей, и был рукоположен в сан иеромонаха. Его направили служить настоятелем церкви с. Устиновка Чоповичского района Коростенского

¹⁵ Ныне с. Нижняя Дубечня Вышгородского района Киевской области.

округа¹⁶ [14, 25-25об.]. В 1937 г. был репрессирован. Отец Парфений прожил долгий век и умер в 1991 г. в селе Вязовка Народичского района Житомирской области.

Предполагаем, что источник, от которого берёт начало Спасо-Преображенский мужской монастырь, оставался нетронутым. Как вспоминал в 1954 г. житель села Чоповичи Снежко: «Заросло всё бурьяном и молодым лесом. Тихо и пусто стало в Кипячем. Только вода из-под земли с шумом вытекает» [1, 89].

¹⁶ Ныне с. Устиновка Малинского района Житомирской области.

Глава 4. **Повседневная жизнь Преображенского монастыря (1917-1934)**

Не сохранились документы, в которых отразились бы доходы и расходы обители, описи имущества монастыря, личные дела или хотя бы список братии, нет указаний о трапезе на каждый день или о порядке богослужения. К сохранившимся материальным свидетельствам можно отнести монастырское кладбище, следы от монастырских построек, монастырский дом, ряд богослужебных книг и рисунок Казанского храма 1931 г. работы жителя с. Мелени Васяновича Петра Степановича. Так как источниковая база скудна, то различные аспекты повседневной жизни обители будут описаны пунктирно. Реконструкция монастырской жизни построена на анализе советских документов и воспоминаний. В хронологическом порядке сведены воедино различные эпизоды и факты монастырской жизни.

4.1. Участие монастыря в общецерковной жизни

В 20-е гг. монахи Кипяческого монастыря были сторонниками тихоновского движения и были противниками синодальной церкви, т.е. обновленчества. В секретном сообщении о Кипяческом монастыре отмечалось: «Все монахи ярые тихоновцы, Синодальной церкви не хотят ни под каким видом. Выдающиеся тихоновцы – Рафаил, Иннокентий,

Арсений, Леонид, Моисей, все остальные просто поддерживают всех вышеуказанных монахов» [6, 2].

Преображенская обитель поддерживала приходы тихоновской ориентации. Например, в сентябре 1924 г. иеродиакон Евгений (Волк К.П.) временно служил диаконом в Александро-Невской церкви в Малине [23, 433]. Помогали монахи приходу села Мелени. В 1927 г. сообщалось: «Монастырь Кипячее имеет связь с селом Мелени в отрасли обслуживания славянской церкви. Например: в связи с убытием попа Касторского 12/II этого года должность его занял поп из Кипячее» [15, 45]. Автор документа обращает внимание на то, что монахи помогают «в отрасли обслуживания славянской церкви», а это в глазах спецслужб было преступлением: перед ними была поставлена задача подавлять «тихоновское» движение, а значит помощь «славянской церкви» понималась как политическое преступление. В 1924 г. ГПУ Волынского округа, оценивая сложившуюся ситуацию в Волынской епархии, писало: «именно сейчас назрел тот момент, когда ощущается полная необходимость проводить усиленную оперативную работу для того, чтобы закрепить главенствующую роль над церковью нашей обновленческой ячейки» [64, 154].

Проверили, действительно ли из Меленей Коростенского округа 12/II 1927 г. убыл священник Касторский? Да, убыл. В июле 1927 г. его арестовали в Коростене и обвинили в антисоветской пропаганде. Коростенский окружной отдел ГПУ ходатайствовал перед ГПУ УССР об административной высылке «антисоветского элемента» Касторского. В двадцатые годы священников тихоновской ориентации нередко объявляли «антисоветским элементом», контрреволюционерами, что позволяло во внесудебном порядке репрессировать. Такими репрессиями спецслужбы оказывали немалую услугу обновленческой церкви.

Решением особого совещания коллегии ГПУ УССР от 10 сентября 1927 г. ходатайство было отклонено, священника Касторского из-под стражи освободили [65, 440]. Не исключено, что арестовали пастыря для того, чтобы на меленивский приход направить священника-обновленца. Благодаря монахам Кипяческого монастыря с февраля по сентябрь 1927 г. приход в Меленях не пустовал и его не могли занять обновленцы или закрыть. До сих пор в Михайловской церкви Мелени хранятся богослужебные книги, подписанные иеромонахами Кипяческого мужского монастыря.

Преображенская обитель вела миссионерскую деятельность. В прошениях Дидковского с тревогой сообщалось, что в народе широко распространилось сектантство. Он предлагал «утвердить в Кипячем Миссионерский пункт, где бы постоянно жил хороший миссионер и живым, горячим словом обезоруживал врагов Церкви Христовой. Я повторяю: в Кипячем...» [17, 488об.]. Нет документальных свидетельств о миссионерском пункте в обители. Достоверно известно, что монастырь активно помогал священнику-миссионеру тихоновцу из соседней, Волынской епархии Михайлову Виктору Семёновичу. Он с 1921 по 1925 гг. проживал в монастыре и совершал миссионерские поездки по сельской местности. Затем о. Михаил периодически подолгу проживал в обители и всё так же проводил миссионерскую работу. Особенно много пришлось ему потрудиться в селе Мелени, где было широко распространено сектантство под названием «корниловцы». В 1932 г. во время очередного миссионерского похода был арестован органами ГПУ [44, 2]. Можно предположить, что Кипяческие монахи, будучи «выдающимися тихоновцами», оказывали влияние на паломников, убеждая их держаться Православной Церкви, избегать обновленческого и липковского расколов.

4.2. Богослужебная жизнь монастыря

Церковное богослужение. Знаменитый литургист, один из основоположников церковно-археологической науки протоиерей Константин Тимофеевич Никольский объяснял, что в понятие «богослужение» входит «внутреннее служение Богу, именуемое богопочитанием. Вместе с тем богослужение должно быть и внешнее...» [66, 5].

Богослужение церковное бывает общественное и частное. Общественное совершается для всего общества. Определено совершать его повседневно, главным образом в храме, по указанию церковного Устава (Типикона).

Частные церковные богослужения (требы) совершаются по требованию, «нужде одного или нескольких лиц и бывают в такое время, которое указывают, требуют обстоятельства, нужды людей» [66, 7]. Общественное богослужение главным образом совершается в храме, и к нему относятся вечерня, повечерие, полунощница, утренняя, часы, литургия. К частным церковным богослужениям относятся крещение, миропомазание, рукоположение в священство, венчание, пострижение в монашество и т.д.

На источнике в урочище Кипячее впервые было совершено богослужение, когда была обретена икона Божией Матери. Священник из Троицкой церкви Чоповичи совершил частное церковное богослужение: «Священник отслужил молебен, окропил водой место и людей...» [1, 88]. Это было малое водоосвящение, которое «совершается по желанию верующих и на дому во всякое время, в соединении с молебным пением» [66, 279]. Предполагаем, что с момента обретения иконы Божией Матери приходской священник Евгений Безвенглинский (служил в Чоповичах с 1913 г.) периодически совершал частные церковные богослужения на источнике в урочище Кипячее. Это могли быть водосвятные или благодарственные молебны.

С 1917 г., когда ещё только начала зарождаться монашеская община и строилась обитель, крестьяне окрестных сёл и хуторов «днём... строили церковь-часовню, а утром и вечером молились Богу» [1, 88]. Значит, они совершали вместе утренние и вечерние молитвы.

В 1918 г. иеромонах Константин (Чоповский) писал, что он исполнял «келейное монашеское правило в Келии в Кипячем» [17, 485].

В 1920 г. «Ревнители Православия» сёл Чоповичи, Мелени и Тростяницы пишут о том, что в строящейся келье монахи вместе с паломниками совершают молебны и акафисты [17, 493об.]. Молебны мог совершать иеромонах Константин (Чоповский) или чоповичский священник Евгений Безвенглинский. Вспоминали, что о. Константин служил молебны на источнике.

1918-1921 гг. строился монастырский храм. Логично поставить вопрос, служилась ли литургия в Кипячем? Думаю, что литургия не совершалась. В 1918 г. иеромонах Константин пишет, что правящий архиерей разрешил ему совершать «необходимые требы в приходе села Барановки» [17, 485об.]. В 1920 г. один из основателей монастыря Дидковский для строящейся Преображенской церкви просил «выдать иеромонаху Константину Антиминс» [17, 488об.]. Антиминс символизирует плащаницу, которой был обвит Иисус Христос при погребении. «Это шёлковый или платяной платок с изображением положения во гроб Христа Спасителя и с частицей святых мощей... Он развёртывается только для совершения на нём литургии» [67, 10]. Нет документального подтверждения тому, что в 1917-1921 гг. в урочище Кипячее совершалась обедня. Только в 1920 г. община попросила антиминс. Следовательно, в первый период истории Преображенского монастыря (1917-1921 гг.) литургия не служилась.

В 1921 г. построили Преображенский храм, в котором впервые в Преображенском монастыре совершили литургию и начали совершать общественные церковные богослужения. В сентябре 1921 г. храм был сожжен. Предположительно осенью 1921 г. часовня на источнике стала Казанским храмом. На протяжении 13 лет здесь совершались общественные и частные богослужения. Житель с. Мелени Белошицкий Демьян Михайлович вспоминал, что в обители была традиция: раннюю литургию служили в Казанской церкви, а позднюю – на месте сожженного Преображенского храма [28]. Многие старожилы рассказывали, что в Казанской церкви крестили детей, там венчались, наверное, отпевали покойников, которых хоронили на монастырском кладбище.

Монастырские праздники. В Православной Церкви есть общепринятые праздники. Для той или иной церкви храмовым праздником является один из праздников Церкви, день памяти святого или чудотворной иконы, которым храм посвящён. Его ещё называют престольным праздником. Монастырскими праздниками считаются праздники храмовые (престольные) и в честь особо чтимых в обители святых или икон.

Предполагаем, что календарь монастырских праздников Преображенской обители начал складываться ещё до 1917 г., когда паломники приходили только к источнику, а затем шли в Троицкую церковь поклониться обрётённой в источнике иконе Божией Матери.

В 1920 г. Дидковский, обосновывая необходимость открытия Преображенского мужского монастыря в урочище Кипячее, отметил, что в Кипячем уже есть особые праздничные дни: «В Кипячее народ всегда идёт, а в особенности три раза в год, а именно:

в пяток 10-й нед.[ели] по Пасхе;

29 Августа (Усекновение гл. Иоанна Пред.);

и 22 октября (Казанская ик. Божией Матери)».

Это первое документальное упоминание о праздниках. Даты даны по старому стилю. Автор документа обращает внимание на то, что в монастырские праздники увеличивается приток паломников.

Те же 3 праздника Казанская церковная приходская община в 1926 г. назвала своими:

«отпуст» десятая пятница после Пасхи;

29 августа/11 сентября Усекновение главы Иоанна Предтечи;

22/4 ноября Казанской иконы Божией Матери» [41, 745].

Итак, монастырские праздники Преображенского монастыря и его юридического преемника – Казанской приходской общины совпадают. Сходство монастырских праздников и приходских говорит о том, что монастырь был нераздельно связан с Казанской общиной, а церковь оставалась монастырским храмом.

Не понятно, почему в документах и народной памяти не отразился самый главный монастырский праздник – Преображение Господне? О нём ничего не говорят ни насельники обители, ни жители окрестных сёл. Мы считаем, что дальнейшие исследования позволят ответить на этот вопрос.

Пятница 10-й недели по Пасхе. В народе этот праздничный день называли «отпуст», «десятуха» [41, 745; 14, 5]. Праздник был подвижным, т.е. он не имел постоянной календарной даты, которая зависела от дня празднования Пасхи. В пятницу 10-й недели после Пасхи праздновали монастырский праздник «отпуст». Предполагаем, что в этот день отмечалось обретение иконы Божией Матери в источнике урочища Кипячее. Возможно, праздник вначале был приходским Троицкой церкви с. Чоповичи, а когда образовался монастырь, он стал монастырским. Найдено описание того, как в 1930 г. торжественно праздновали десятую неделю по Пасхе. Праздник пришёлся на Петров пост. Богослужение совершалось ночью с 26 на 27 июня. Следовательно, служили

всенощное бдение, которое является частью праздничного богослужения, совершаемого от захода солнца до рассвета. Службу служили настоятель и братия монастыря. «На этот праздник собралось около 200 человек...» [14, 5]. Казанская церковь вмещала 63 человека, поэтому народ молился под открытым небом. По благословению настоятеля монахи читали проповедь возле Казанской церкви. Молодой монах Парфений (Невмержицкий) взобрался на ольху и оттуда проповедовал [14, 5].

Была традиция: на «отпуст» службу служили «возле крестнички под крестом и кропили прихожан святой водой» [1, 88]. Скорее всего, речь идёт о водосвятном молебне, совершавшимся во дворе Казанского храма, возле колодца. Небольшой колодец находился за оградой церкви. На рисунке жителя с. Мелени Васяновича изображён деревянный крест белого цвета. Возле колодца маленький пруд, поросший тростниковым аиром (татарским зельем).

«До закрытия монастыря летом и осенью собиралось много верующих из многих населённых пунктов по поводу празднования праздника «десятая пятница» и «усекновения Ивана Предтечи» [14, 28].

29 августа/11 сентября – Усекновение главы Иоанна Предтечи. Путём опроса выяснили, что он не был приходским праздником чоповичской Троицкой церкви. Многие жители окрестных сёл приходили на праздник, считая его монастырским [14, 29-31].

22 октября/4 ноября – Казанской иконы Божией Матери. Не можем объяснить почему он стал монастырским праздником. Скорее всего по причине того, что в источнике была найдена Казанская икона. Если это верно, то его начали отмечать ещё до революции 1917 г. Отсюда большое почитание праздника. Может, поэтому храм над источником называли в честь Казанской иконы Божией Матери. Но это предположение.

Документы и воспоминаниям говорят, что на монастырские праздники Преображенской обители приходило много паломников.

4.3. Социальные связи монастыря

Взаимодействие лиц или групп рождает временные или стойкие связи между людьми. Раскроем связь между насельниками монастыря, жителями окрестных и дальних сёл и приходившими богомольцами. Свидетельств об этом мало. Полагаем, что в условиях политики закрытия монастырей именно тесная социальная связь монастыря с крестьянами Полесья позволила ему развиваться. Социальная связь образовалась в контексте традиционной для Полесья культуры взаимопомощи, соседско-общинной взаимовыручки. Не исключено, что монастырь строился большой толкой. И это было проявлением древней культурной традиции Полесья.

Изучение биографий насельников Преображенской обители выявил родственные связи. Например, монах Сергиенко Пётр Николаевич, уроженец с. Тростяница (находится в 5 километрах от урочища Кипячее), сохранял тесные родственные отношения с родной племянницей Сергиенко Александрой Ивановной, которая вспоминала: «Поскольку дядя Сергиенко Пётр находился в монастыре, я навещала его в монастыре...» [14, 28].

Родная дочь убитого в 1921 г. монаха Ираклия (Скура-товского) приходила помолиться на его могиле и принять участие в праздничных богослужениях, общалась с насельниками [14, 24]. Монах Сергиенко Пётр Николаевич умер после 1928 г. Его родственники продолжали посещать обитель и поддерживать дружеские отношения с насельниками. Например, монах Парфений (Невмержицкий), приходя в село Тростяница для заработка, часто заходил в дом Сергиенко

Ивана Николаевича, который был родным братом умершего монаха [14, 28].

Монастырь поддерживал добрососедские отношения с жителями окрестных сёл, обе стороны помогали друг другу. Когда в 1921 г. бандиты тяжело ранили послушника Волкова Евгения Пантелеймоновича, его укрыл у себя и выходил крестьянин Грищенко Андрей Степанович, проживавший на хуторе Шаблевском возле с. Мелени. Волков «через некоторое время выздоровел и снова вернулся в обитель» [6, 5]. Фещенко Ольга Фёдоровна вспоминала, что её родители жили неподалеку от монастыря: «В монастыре были кони, и отец часто просил у монастыря коней для перевоза сена или дров» [68].

Монастырь принимал из крестьянских семей детей-подростков. Кононученко Василий Евстафиевич (1902 г.р.) в 16 лет пошёл в монастырь и «от монастыря... ремонтировал людям обувь» [14, 33]. Крестьяне участвовали в строительстве обители, в её хозяйственной жизни. Фещенко Адам Петрович (1913 г.р.) вспоминал, что он, подросток, в 20-е годы «собирал пожертвования на монастырь Кипячее» [42]. Это могло быть одной из форм проявления общинно-соседских отношений.

Крестьяне близлежащих сёл для совершения треб обращались в монастырь. Фещенко О.Ф. вспоминала: «Моя старшая сестра в 1928 году венчалась в Казанском храме, в 1929 году крестила своего младшего брата Мишу» [68]. Архимандрит Парфений (Невмержицкий) рассказывал, что жители села Мелени часто крестили своих детей в Кипяческой обители [64].

В 1934 г. в дни закрытия обители особо проявилась тесная связь монастыря с крестьянами окрестных поселений. Монахи «мешками раздавали книги верующим, а святые сосуды отдали на хранение монахине Антонине, жительнице села Тростяница» [64].

Паломничество в урочище Кипячее и Преображенский монастырь было одной из форм социальных связей обители со всем Полесьем. Анализ документов позволяет говорить, что в радиусе 400 километров крестьяне знали про монастырь и старались его посетить.

Человека, посещающего святые места для высшей духовной цели, называют паломником. В народе паломничество называлось ещё богомольем. До революции 1917 г. хождение на богомолье было распространено среди всех сословий, но особенно среди крестьян.

Ещё до образования монастыря в урочище Кипячее приходили паломники [1, 88]. Это были крестьяне полесского края, которые, как правило, шли на богомолье пешком. Сложилась паломническая традиция: вначале молились в урочище Кипячее, а затем в чоповичском Троицком храме, «пред Святой Иконой», которая была обретена в источнике [1, 88]. Когда в 1917-1918 гг. образовался мужской Преображенский монастырь, то «ещё большим потоком поплыли со всех концов паломники в Кипячее» [1, 88]. Особенно много приходило их на церковные и монастырские праздники. Житель Чоповичей Старченко Василий Степанович (1902 г.р.) свидетельствовал: «На эти праздники собирались верующие из многих районов и областей страны» [14, 31]. Чоповичанка Ширченко Анна Филипповна (1921 г.р.), рассказывая о большом количестве приходивших в урочище Кипячее богомольцев, говорила, что к ним «весь мир съезжался» [68].

Воспоминания дополняют документы. В отчёте уполномоченного по Коростенскому округу в 1927 г. сообщалось о паломниках, которые шли в монастырь Кипячее по дорогам: «Ушомир-Мелени и Коростень через Новаки-Мелени. Первая дорога самая главная» [15, 45]. Летом в храмовый праздник на протяжении нескольких дней по дорогам шли группы паломников в Кипячее. В такие дни в селе Мелени

и в окружающих сёлах собиралось «не меньше 6000 человек» [15, 45]. В 1930 г. сообщалось: «По имеющемуся целому ряду данных, скиток является местом концентрации компактной массы богомоллов, приходящих сюда в дни т.н. храмовых праздников из далеких сёл, районов, даже округов, как-то: Черниговского, Киевского, Конотопского и других...» [14, 13]. Большое количество богомольцев монастырь вместить не мог, они останавливались в ближайших сёлах – в Мелени, Чоповичах, Тростянице и на хуторах. Путникам давали кров и кормили за свой счёт [69]. В те времена считалось богоугодным делом принять богомольца, идущего к святыне, ведь он совершает святое дело.

Отсюда следует, что источник в урочище Кипячее и Преображенская обитель были известны и пользовались большим почитанием в радиусе 400 км, а богомольцы в основном были жителями Полесского края.

До революции 1917 г. паломничество было традиционным и безопасным. Ходили на богомолье по обету, для исцеления, как совершение духовного подвига. Шли к святыням перед замужеством, уходом в армию, после постигшего горя. Почему в самые страшные годы гражданской войны люди с риском для жизни шли помолиться в урочище Кипячее? Изложу ответ по пунктам:

1. Верующие исцелялись на источнике. В документе от 1930 г. писали: «В процессе проверки данных сведений выяснилось, что ... дабы иметь возможность более успешно проводить в жизнь свои к[онтр]-р[еволюционные] намерения, [монахи] создали из него [скита] место, куда стекается много богомоллов, не только для моления, но и для излечения, путем получения «святой» воды, отпускаемой монахами из колодца, находящегося в часовне рядом с алтарем» [14, 13]. Неизвестный нам чиновник увидел в исцелениях политическую подоплёку. Но исцеления происходили и до революции 1917 г.

2. С открытием монастыря «ещё большим потоком поплыли со всех концов паломники в Кипячее» [1, 88]. В урочище Кипячее шли, чтобы помолиться в монастыре, который славился в народе как афонское подворье.

Члены общества «Ревнители Православия» в 1920 г. писали: «Православные сыны Церкви в столь трудное время, неся своё горе и радость, желают вылить его в пустыни Кипячее...», они хотят «молиться, слушать Божественную Литургию, Келейное правило, молебны и Акафисты, слушать всенощное бдение с Божественной Литургией... и говеть» [17, 493об.]. Православные крестьяне в своём прошении изложили причины, которые побуждали их, преодолевая невзгоды и трудности, не только совершать паломничества в урочище Кипячее, но и принимать участие в строительстве: увеличение числа паломников побудило братию строить Преображенскую церковь вместимостью более 400 человек.

4.4. Хозяйственно-экономическая деятельность

Несмотря на тяжёлое время, братия жила общежительным уставом: «всё заработанное шло на нужды общины», – вспоминал архимандрит Парфений (Невмержицкий) [14, 33]. Источником существования монашеской общины была хозяйственная деятельность, направленная на производство продуктов, оказание услуг с целью получения дохода. Когда монастырь основывали, ему было пожертвовано более 12 гектаров земли. В 1921 г. окончательно утвердилась советская власть. Монастырскую землю должны были национализировать. Но факт изъятия земли у Преображенской обители не был установлен. Монастырскую землю могли переоформить на бывших жертвователей, а фактически она оставалась монастырской. Это предположение косвенно подтверждает сообщение Коростенского ГПУ. В нём говорится, что насельник монастыря Кириченко Максим

Петрович имеет землю [6, 2] – он был одним из жертвователей земли для обители.

Земля на источнике в урочище Кипячее и монастырское кладбище принадлежали Казанской церковно-приходской общине, которая получила их в пользование от Чоповичского сельсовета.

Юридически монастырь не существовал, но фактически в условиях НЭПа многие монашеские общины продолжали существовать в виде артелей, кооперативов. Производя ту или иную продукцию, занимаясь сельским хозяйством, монахи содержали себя. Монашеская община Преображенской обители существовала как хуторское поселение, где велись сельскохозяйственные работы. На плане 1920 г. указано, что в верхней части обители был разбит сад, на севере были огороды. В верхней части монастыря монахи «завели вишнёвый садок, несколько ульев с пчёлами. Дальше, под леском в долине, обрабатывали землю, сеяли озимые и яровые, сажали огородину» [1, 89].

Насельники, будучи из крестьянского сословия, владели различными ремёслами, которые давали им заработок в сёлах. Воспитанник монастыря Василий Евстафиевич Кононученко¹⁷ вспоминал, что монах Парфений (Невмержицкий) «от монастыря ремонтировал местным жителям жилые и нежилые постройки, делал окна, столы, ремонтировал печки. Я же ремонтировал людям обувь. В то время люди платили нам за труд в основном продуктами питания, и эти продукты передавались в монастырь для общего пользования» [14, 33]. Сергиенко Александр Иванович¹⁸ вспоминал: «Монастырь принимал заказы от жителей окрестных сёл

¹⁷ В 1972 г. жил в пос. Чоповичи на ул. Житомирской.

¹⁸ Сергиенко А.И (1908 г.р.) – уроженец с. Тростяница, в 1972 г. проживал в пос. Чоповичи.

на ремонт помещений, изготовление мебели и выполнение других работ. Монахи ходили по домам местных жителей окрестных сёл и выполняли их заказы» [14, 27].

Крестьяне жертвовали в монастырь своё имущество. Например, житель села Бовсуны Лугинской волости Овручского уезда Волынской губернии Степан Сильвестрович Невмержицкий¹⁹ «привёл телицу для подсобного хозяйства монастыря. И таких людей было много» [70, 1]. Полагаем, что пожертвования паломников также помогли существовать обители. Были также сборы пожертвований в других сёлах, порой очень отдалённых от урочища Кипячье. Например, послушники Евфимий и Евстратий, уроженцы Минской губернии, в 1928 г. собирали пожертвования в Минской губернии (более 400 км от Чоповичей). В документе сообщалось, что собирают пожертвования «на новостроящийся монастырь в Кипячем. Иногда привозят полотно и деньги и всякие продукты...» [6, 2]. Житель села Чоповичи Фещенко Адам Петрович в 20-е гг. проживал в Преображенском монастыре и собирал пожертвования на монастырь [42].

¹⁹ С.С. Невмержицкий «был активным участником церковной общины, скрывал в доме попов, монахов... и разных враждебных людей». Заключён в ИТЛ сроком на 8 лет. Умер в лагере. ГАЖО. – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 18904-п. – Л. 21.

Глава 5. **Архитектурный облик монастыря (1917-1934)**

Монастырь расположился на правом берегу реки Ирша, естественно вписавшись в природный ландшафт этой местности. Монастырю принадлежало более 12 десятин (более 13 га) земли. Однако неизвестно, была ли эта земля в виде сплошной территории или же состояла из отдельных участков. Жилая часть монастыря находилась в урочище Кипячее. Она разделялась на северную (нижнюю) и южную (верхнюю).

С севера границу монастыря очерчивал крутой берег реки Ирша. На левом берегу реки и до самого села Чоповичи раскинулось широкое поле. В 100 м от реки Ирша в ольховой роще находился чудотворный источник, над которым была сооружена деревянная часовня. Согласно преданию к востоку от часовни, на большой поляне устраивались ярмарки – это вполне возможно, так как здесь сходились дороги из сёл Мелени, Чоповичи, Тростяница и уже не существующая дорога на Житомир через Иршанск.

Южная (верхняя) часть монастыря: местоположение построек было обусловлено, с одной стороны, границами земли Дидковского (1 десятина – более 1 гектара), с другой стороны – ландшафтом. С восточной стороны расстилалось поле, с юга – по всей вероятности тоже было поле, за которым рос лес. Здесь шла полевая дорога, которая очерчивала южную границу монастырских земель. С запада граница обозначалась как болотистая местность, где рос лес.

Согласно плану земли Дидковского, составленного в 1916 г., его земля граничила с участками четырёх землевладельцев. Южную (верхнюю) и северную (нижнюю) части монастыря соединяла небольшая песчаная дорога. Вначале опишем нижнюю (северную) часть монастыря.

5.1. Архитектурный вид северной части монастыря (1915-1934)

Часовня в урочище Кипячее (1915-1921). В 1915 г. в урочище Кипячее начали возводить часовню, однако со временем строительство приостановили [13, 15]. В 1917-1918 гг. монашеская община и местные крестьяне завершили строительные работы [1, 88].

Часовня отличается от храма тем, что возводится без алтаря. В ней совершают богослужения суточного круга, кроме литургии, читают молитвы, акафисты, совершают молебны. В суточном круге читается краткое богослужение – часы. Порядок чтения часов (чинопоследование) находится в богослужебной книге Часослов. От слова «часы» происходит название «часовня». Как правило, строились часовни в память о духовно значимых событиях. Не всегда часовня получала название, она могла быть и безымянной. В нашем случае её возвели в память обретения иконы в источнике в Кипячем и получения исцелений на нём.

В нижней (северной) части Преображенского монастыря часовня стала первым сооружением. Здесь началась молитвенная жизнь монашеской общины монахов. Основываясь на анализе технической документации Казанской церкви, считаем, что площадь часовни была 11 кв. м.

Внешний (экстерьер) и внутренний (интерьер) облик часовни. Часовня была построена из дерева, возможно, на каменном фундаменте, в плане имела вид шестиугольника (шестерика). Внутри часовни находился колодец-сруб – «возле

входной двери» [1, 88]. По деревянному желобу из часовни вода текла в маленький колодец во дворе. Рядом стоял деревянный белый крест с распятием [1, 88]. Нет упоминаний о том, что возле часовни были жилые постройки.

Казанская церковь (1921-1934). В 1921 г. часовня стала Казанским храмом. Престол освятил чоповичский протоиерей Евгений Безвенглинский [25]. В течение 13 лет (1921-1934) храм был монастырским и одновременно приходским. В 1921 г. сельсовет села Чоповичи передал в пользование Кипяческой Казанской церковно-приходской общине Казанскую церковь, землю с источником и монастырское кладбище.

В 20-30-е гг. власти запрещали строить или перестраивать храмы. Однако анализ документов показывает, что в 20-е гг. в архитектуре Казанского храма произошли изменения в связи с переоборудованием часовни в храм.

Есть два базовых источника: опись имущества Казанской церкви за 1926 г. и рисунок «Казанский храм в урочище Кипячее», написанный в 1931 г. Васяновичем. Необходимо учитывать, что художник изобразил церковь с северо-восточной части. Оба источника дополняют друг друга, но расходятся в некоторых деталях. Попробуем воссоздать обобщённую картину северной части монастыря.

Нет документов о перестройке или реконструкции Казанской церкви, так что логично считать, что часовня с 1917 по 1921 гг. не имела алтарной части. После освящения Казанского храма появилась необходимость устроить алтарь. До нас, как уже говорилось, дошёл рисунок с изображением Казанского храма, датируемый 1931 г. Мы видим, что на нём Казанский храм уже имеет алтарную часть в виде прямоугольной абсиды – в каком же году она была пристроена, если в 1926 г. уже даются технические сведения об алтаре? Она была пристроена с восточной стороны храма в течение 1921-1926 гг.

Считаем, что в 1918 г. возле часовни не строили колокольни (в этом нет функциональной необходимости). И в документе Казанской приходской общины от 1923 г. не сообщается, что у них есть колокольня [51, 24-24об]. Но в описи имущества Казанского храма за 1926 г. дано техническое описание деревянной колокольни. Её мы видим также на рисунке Васяновича. Следовательно, между 1923 и 1926 гг. была построена звонница, которая имела настоящие колокола.

Произошли изменения и во внутреннем устройстве храма. Был сделан алтарь и иконостас [14, 13]. В 1926 г. община сообщала, что Казанская церковь не имеет ограды [13, 15-15об.]. В 1931 г. художник нарисовал деревянную ограду.

На рисунке Васяновича видно, что храм расположен в ольховой роще. В основании здания художник провёл чёрную линию. По-видимому, это фундамент, возможно, он был каменный. В своём плане церковь шестиугольная (шестерик), с северной и южной стороны были небольшие окна. Стены белого цвета (по-видимому, побелены известью), окна по контуру и грани часовни покрашены в синий цвет. Покатая кровля из жести в форме шестигранника выкрашена в зелёный цвет [13, 15]. Весь объём здания завершает барабан белого цвета (цилиндр), увенчанный главкой в форме луковицы зелёного цвета. На главке высится восьмиконечный крест жёлтого цвета. С восточной стороны по всей длине шестигранного сруба пристроен прямоугольный алтарь (абсида) с двумя окнами. Крыша двускатная, зелёного цвета. С противоположной стороны (западной) мы видим зелёный козырёк, который свидетельствует о том, что с этой стороны был вход в храм. К нему ведёт протоптанная дорога.

Храм возведён в традициях деревянного зодчества Полесья, его декоративно-художественное оформление тоже соответствует местным традициям, которые передавались из поколения в поколение. На Полесье строили срубные

жилища, обмазывали их глиной или белили. Мы предполагаем, что сложили часовню из брусьев, затем, набив на них дранку, обмазали глиной и побелили. По той же технологии был сделан алтарь Казанского храма. В украшении здания применён принцип художественного контраста. На белом фоне синий цвет выделяет окна и ребра сооружения. Последнее подчеркивает восьмигранную форму храма. Логичность конструкции, пропорции, сочетание цветов хорошо знакомы тем, кто видел деревянные постройки Полесья.

Техническое описание Казанской церкви. В документе Казанской приходской общины размеры даны в аршинах, мной указываются размеры в метрах. Здание одноэтажное.

Общая площадь церкви 144 квадратных аршина (73 кв. м).

Размер придела (алтаря):

длина – 3 аршина 6 вершков (2 м),

ширина – 5 аршин 2 вершка (4 м),

общая площадь – 8 кв. м.

Иконостас был выполнен из фанеры. Его высота – 4 аршина 12 вершков (3 м), длина – 8 аршинов (6 м) [13, 15]. По-видимому, иконостас был трехъярусным.

Размер средней части церкви:

длина – 11½ аршина (8 м),

ширина 11½ аршина (8 м),

общая площадь – 64 кв. м.

Колодец, из которого текла вода, находился «рядом с алтарем» [14, 13].

Вместимость храма – 63 человека.

Крыша была сделана из жести и выкрашена в зелёный цвет.

Техническое описание колокольни. Начнём описание с рисунка Васяновича. Недалеко от Казанского храма, с западной стороны от церкви, находилась деревянная двухъярусная колокольня. В плане это квадратное сооружение, состоящее из четырех столбов с небольшим уклоном внутрь. Первый ярус

образуют доски, придающие жёсткость конструкции. Второй ярус – площадка с перилами, где были подвешены колокола. Крыша четырехскатная. На рисунке верхний план колокольни закрывают кроны деревьев. По традиции колокольни всегда венчали главки с крестом. Такую же главку имела и казанская колокольня. Это подтверждается документально.

Колокольня занимает площадь 3 сажени и один аршин. Высота её – $15\frac{1}{4}$ аршин (10,66 м). Количество куполов – один. Колокола: 1-й – $2\frac{1}{2}$ пуда (40,93 кг), 2-й – 1 пуд 5 фунтов (18,42 кг), 3-й – 18 фунтов (7,37 кг) [13, 15].

Техническое описание ограды. Между 1923 и 1926 гг. вокруг церкви сделали ограду. Это невысокий забор из нетолстых брёвен одинаковой длины, уложенных горизонтально и образующих глухую стену.

За оградой, ближе к алтарной части храма, находился деревянный крест белого цвета и деревянный колодец, в который по деревянному желобу стекала вода из источника, находившегося в Казанском храме. Рядом с колодцем художник изобразил заросший небольшой ставок.

За три года до разгрома Преображенской обители и сноса Казанской церкви Васянович изобразил архитектурный облик Казанского храма и нижней (северной) части мужского Кипяческого Преображенского монастыря. Думаю, что за это время никаких существенных изменений в архитектурном облике не произошло.

5.2. Первая застройка южной части монастыря (1917–1921)

Верхняя территория монастыря находилась в южной части обители на расстоянии около 200 м от нижней его части. Между верхней и нижней частью не было леса. Если нижняя часть монастыря расположилась в болотистой местности, где высок уровень грунтовых вод, что приводило в весен-

не-осенний период к подтоплениям, то южная (верхняя) его часть расположилась на высоком холме. Сегодня это место монастыря окружает лес. В 20-е гг. XX ст. монастырь находился в поле, недалеко рос лес.

В верхней части обители первым сооружением был деревянный крест. «Всох, который раньше был чистой песчаной пустыней, начал покрываться низким, густым, кучерявым лесом. Люди часто блуждали, идя или едучи в Кипячее, поэтому монахи поставили на холме высокий крест с золотым петухом на нём. Этот крест было видно издалека, и он служил дорожным указателем для паломников» [1, 88]. Крест был поставлен там, где сегодня располагается монастырское кладбище [71].

Верхняя часть монастыря застраивалась дважды: первый раз – в 1917-1921 гг., второй раз – в 1921-1934 гг.

Монашеский дом. Во время первой застройки вначале возвели монашеский дом. Сам иеромонах Константин (Чоповский) называет его Келия [17, 485]. Так как на Полесье строились деревянные дома, то мы считаем, что Келью построили из дерева.

Длина дома – 16 аршин (11 м),

Ширина – 8 аршин (6 м),

Площадь – 66 кв. м.

Крыльцо находилось с восточной стороны, здесь был сад.

Монашеский корпус имел 4 кельи, кухню, 2 входа (с востока и запада), 4 печи. Заходя в дом, попадали на кухню. С южной стороны находилось 3 кельи. Две из них имели общий вход через первую келью. Все кельи имели по одному окну. С северной стороны располагалась большая келья с тремя окнами. Два из них выходили на восток, в сад, третье – на север.

В 3 м от монастырского кладбища сохранилась насыпь высотой 50 см, площадь насыпи – 54 кв. м (длина – 9 м,

ширина – 6 м). Предполагаем, что здесь стояла первая келья монастыря. Общая её площадь незначительно разнится (12 кв. м) с площадью Кельи.

Имеется упоминание о том, что вначале в верхней части монастыря «монахи построили долгую, подобно хлеву, соломой крытую деревянную хату» [1, 88].

Преображенская церковь. Дидковский в своих прошениях называет её домовою церковью: «Преображения Господня домовою церкви в строящемся Корпусе в урочище «Кипячее» [17, 488об.]. В другом прошении он просит «устроить в имеющемся корпусе домовую церковь в честь «Преображения Господня» [17, 490]. «Ревнители Православия» Чоповичи, Тростяница и Мелени пишут: «в урочище «Кипячем» в строящемся корпусе для братии домовую церковь в честь Преображения Господня...» [17, 493об.]. Найден план Преображенской церкви. Анализируя его и вышеприведенные документы, мы приходим к пониманию, почему Преображенскую церковь называли домовою.

В урочище на источник к афонскому иеромонаху и в образующуюся монашескую общину стало приходиться много крестьян. Одни – чтобы помочь, другие – чтобы пожертвовать, третьи – желая «молиться, и слушать Божественную Литургию.., православные сыны церкви, в столь трудное время, неся своё горе и радость, желают вылить его в пустыни Кипячее» [17, 493об.].

Наверное, в 1917-1918 гг. начали строить второй «корпус для братии» [17, 493об.]. К 1920 г. монашеский корпус ещё строился, но уже мог принимать и паломников, число которых «всё больше и больше увеличивалось» [17, 493об.]. Они желали совместно с монахами помолиться, читать «Келейное правило, молебны и Акафисты, служившиеся в... строящейся келье.., говеть» [17, 493об.]. Поэтому места в братском корпусе уже не хватало. Чтобы решить эту проблему, возникла идея:

пристроить к братскому корпусу Преображенскую церковь – поэтому её в документах называли домовою.

План постройки. Он состоит из двух частей корпуса с кельями и церкви. Так как вначале строили кельи, опишем их. Считаем, что постройка была из дерева.

Длина дома – 6 аршин (4 м),

Ширина – 12 аршин (9 м),

Площадь – 36 кв. м.

Вход был с западной стороны. Для входа и выхода имелась пристройка в виде крыльца.

Монашеский корпус имел 3 кельи, 4 окна, 1 коридор, 1 вход, 3 печи.

Мы предполагаем, что в начале 1920 г. уже велось строительство домовою Преображенской церкви. Благодетель Преображенского мужского монастыря М.И. Дидковский 25 мая 1920 г. просил правящего архиерея «выдать иеромонаху Константину Антиминс» для Преображенской церкви [17, 488об.]. Если учесть, что в строительстве помогало много крестьян, а постройка была деревянная, то вполне возможно, что возвели храм за полгода.

Церковь стояла алтарём на восток, вход был с запада. Она состояла из трёх частей: трапезной, средней части и алтаря.

Общая длина церкви – 21 аршин (15 м),

Ширина церкви – 12 аршин (9 м),

Общая площадь – 135 кв. м.

Трапезная часть. Братский корпус переходил в трапезную часть Преображенской церкви. Из келий по коридору можно было пройти в трапезную часть. Здесь кушала братия монастыря. Трапезную от средней части здания отделяли с северной сторон – печь, с южной – короткая стена. Между двумя частями сообщение было свободным. Длина трапезной – 4 м, ширина – 8 м, общая площадь – 32 кв. м. С северной стороны имелся небольшой вход с крыльцом и одно

окно, с южной стороны – одно окно и вход в пристроенную маленькую крещальню.

Средняя часть Преображенской церкви. Это самая вместительная часть храма, её общая площадь составляла 61 кв. м. С северной стороны был отдельный вход с большим крыльцом, печь и 2 окна. С южной стороны было 3 окна.

Площадь, на которой могли разместиться молящиеся (средняя часть церкви и трапезная), – 103 кв. м. Согласно современным нормам площадь на 1 человека должна составлять 0,25 кв. м. Отсюда следует, что на 135 кв. м могло разместиться 412 человек. Необходимо учитывать, что 10% площади занимает церковное оборудование (печи, свечной ящик, аналой, подсвечники, киоты). В большие церковные праздники при полном заполнении храма молящийся мог испытывать затруднения совершить поясные, а тем более земные поклоны.

Такие расчёты подтверждают правдивость слов «Ревнителей Православия», что в ещё недостроенную обитель шло много паломников. Об этом же говорят воспоминания местных жителей и документы советских органов власти.

Алтарная часть. С восточной стороны устроен алтарь в виде трёхгранного выступа (абсиды), ориентированного на восток. Абсида имела два окна. Алтарь разделён на три части: в средней части находился престол, в северной стороне находилась «пономарка» (так написано в документе), она имела вход с северной стороны и печь. С южной стороны – ризница. Обычно её используют для хранения литургических облачений и богослужебных книг. В ней были печь и окно [17, 485-496]. Общая площадь алтарной части вместе с «пономаркой» и ризницей – 42 кв. м.

По воспоминаниям церковь была деревянной и высокой. Возможно, её высота была более 10 метров. Не известно была ли она построена из брёвен или брусьев. Ананий

Бовсуновский, краевед села Бовсуны Лугинского района Житомирской области, писал, что новая церковь «блестела на солнце свежее смолой и жестяной крышей» [70, 1]. Никто не упоминает, сколько у неё было куполов – мы предполагаем, что она была однокупольной. Предполагаем также, что храм был виден со стороны села Чоповичи. Поэтому когда бандиты подожгли его, то пожар был виден в селе.

Общая длина постройки (братский корпус и церковь) – 27 аршин (19 м), ширина – 12 аршин (8 м), общая площадь – 152 кв. м.

По утверждению местных жителей на месте, где была церковь, имеется насыпь. Она расположена в 2-х метрах от кладбища. Ориентация насыпи с запада на восток. С восточной стороны имеются камни. Возможно, это остатки каменного фундамента или крыльца. Такой фундамент необходим для устойчивости и прочности высокого деревянного сооружения. Высота насыпи – 70 см, длина – 17 м, ширина – 7 м, общая площадь – 119 кв. м.

5.3. Вторая застройка южной части монастыря (1921–1934)

Монастырский погост. Рассказывают, что после разрушения Преображенской обители монахи собрали обгоревшие останки настоятеля – иеромонаха Константина (Чоповского), монаха Ираклия (Скуратовского) и рабочего Петра Щуки и похоронили в одной могиле – скорее всего, в алтарной части храма. Могила погибших насельников положила начало монастырскому кладбищу. Согласно воспоминаниям «скоро в Кипячем возле лесочка заложили кладбище. Кто желал уснуть вечным сном в тихом, святом месте, завещал близким, чтобы его похоронили в Кипячем» [1, 88].

В документах 1918–1920 гг. о нём не говорится, нет его и на плане монастырских построек 1920 г. Здесь рос сад [17, 495]. Только в 1926 г. впервые в документах пишется о погосте, за

которым ухаживает Казанская приходская община. Площадь земли, занятой кладбищем, составляла 1282 кв. м. Кладбище было ограждёно деревянной оградой [13, 150б.].

Кладбище сохранилось. Полевые исследования показали, что теперь его общая площадь – 957 кв. м. Имеется 9 рядов захоронений, расположенных с запада на восток, всего – 50 могил. Есть захоронения и детей. Кресты, в основном, деревянные, выкрашенные в синий цвет или осмоленные и поставленные у изголовья. Самое раннее датирование приходится на 1921 г. На многих крестах надписи утрачены, так что невозможно установить имена всех похороненных. Последние захоронения относятся к 1933 г. С уничтожением монастыря и приходской общины Казанского храма в 1934 г. кладбище перестало функционировать. В дальнейшем оно юридически принадлежало Чоповичскому сельсовету.

Предполагаем, что на погосте хоронили монахов и тех, кто жертвовал землю для монастыря, членов Казанской церковной общины. Документально установлено, что на кладбище был похоронен ещё один монах – Сергиенко Пётр Николаевич (монашеское имя не установлено). Обследование сохранившихся надписей на деревянных крестах показало, что на Кипяческом кладбище похоронено два члена церковной общины: Фещенко Пелагея Герасимовна и Фещенко Василий Иоаннович (1905-1928) [13, 13-150б.].

По советскому законодательству 20-30-х гг. XX ст. невозможно было построить новый храм. Возможно, по этой причине его в верхней части монастыря не было. Думаю, что отсутствие храма (культовых сооружений) позволило монахам продолжать вести свой образ жизни.

Монашеские дома. С 1921 по 1924 гг. в обители были построены два жилых дома [6, 50б.]. Жительница с. Мелени Фещенко Мария Фёдоровна рассказывала, что монахи жили в отдельных маленьких хатах [72].

До наших дней сохранились два монашеских дома. В 1934 г., когда братия была разогнана, некоторые крестьяне с. Тростяница разобрали два монастырских дома и перевезли их в село. Когда в начале 21-го в. обитель возродилась, они вернули один из домов. Мы обследовали его. Он срублен из брёвен, способ крепления стен «в обло» – при помощи вырубания в концах бревен соответствующих углублений. Сруб был небелёным. Крыша двускатная. Трудно сказать, какой была внутренняя планировка жилья. Традиционно жильё крестьянина было однокомнатным, печь находилась во внутреннем углу дома с одной из сторон от входной двери и была обращена своим отверстием к фасадной стене, в которой были окна. По диагонали от печи устраивали парадный угол, где размещали иконы, перед которыми горела лампада. Было ли соблюдено это типологическое единство в жилых домах монастыря? Сохранившийся монастырский дом в своём плане разделён на три части. Две части отапливаются одной печью, третья имеет отдельное отопление. Такое разделение соответствует логике организации монастырского быта: в каждой из комнат могло жить по два или три человека, а значит в одном доме могли проживать от 6 до 10 человек.

Хозяйственные постройки. По воспоминаниям местных жителей монахи имели лошадей, орудия труда для полевых работ. Значит, на хозяйственном дворе должны были быть конюшня, сарай для хранения телег и саней, кладовая, погреб для хранения съестных запасов, рига для сушки снопов и молотьбы, колодец. Комплекс построек не был окружен стеной или оградой. Вероятно, в монастырь был открытый доступ. Монастырь внешне напоминал хутор, каких вокруг было немало (в некоторых документах Кипячее называют не урочищем, а хутором).

Постройки монастыря были типовыми для Полесского края и соответствовали местным строительным традициям.

Комплекс построек разделялся на нижнюю (северную) и верхнюю (южную) части, и должен был напоминать традиционный «окружной» крестьянский двор: в нём все здания группировались вокруг внутреннего двора, образуя замкнутое пространство с глухими внешними стенами и одними воротами. Мы полагаем, что по периметру монастыря жилые дома и хозяйственные постройки образовывали внутреннее пространство. С восточной стороны находилось монастырское кладбище, с южной, западной и северной сторон – жилые одноэтажные дома, хозяйственные постройки, сад с ульями и огород.

После сожжения монастыря Казанской церковной общине передали в пользование Казанский храм, который стоял на источнике в нижней части обители, а в верхней части за ней числилось кладбище. Предполагаем, что монашеские дома, хозяйственные постройки, земля юридически принадлежали частным лицам. Поэтому в документах урочище Кипячее называли хутор или деревня Кипячее. Отсюда следует, что в верхней (южной) части обители можно было возводить только хозяйственные постройки.

Заключение

Одной из отличительных черт крестьянского сословия была глубокая религиозность, что стало морально-психологическим условием для создания крестьянами Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря.

Открытию монастыря предшествовало знаменательное событие, произошедшее во втором десятилетии XX ст. 15/28 августа, в день празднования Успения Пресвятой Богородицы: на правом берегу реки Ирша, в урочище Кипячее пастухи обнаружили в источнике икону Божией Матери. Она была бумажной, но в воде не размокала, и от неё исходило сияние. Священник села Чоповичи, отслужив молебен, окропил святой водой источник и крестным ходом перенёс образ в чоповичскую Троицкую церковь.

Вскоре источник стал знаменит тем, что верующие начали от него получать исцеления. К источнику стали совершаться массовые паломничества, сложился паломнический маршрут: в урочище Кипячее в источнике брали воду, затем шли в село Чоповичи, в Троицкий храм, помолиться перед обрётённой иконой Божией Матери.

В 1915 г. над источником строили часовню.

Возможно, в 1916 или 1917 гг. в урочище Кипячее временно поселился уроженец села Чоповичи – иеромонах афонской пустынно-келейной обители во имя Иоанна Златоуста Константин (Чоповский Пётр Иванович). Он собирал пожертвования на монастырь и имел право устроить афонское подворье для своего Иоанно-Златоустовского монастыря.

Жил в урочище Кипячее на земельном участке (1 гектар) чоповчанина Дидковского Матфея Иосифовича, который был пожертвован им обители во имя Иоанна Златоуста. Матфей Иосифович построил келью, выкопал колодец и посадил сад. Келья отца Константина находилась недалеко от источника, к нему приходили паломники, местные крестьяне, а в соседнем селе Барановка Малинской волости он служил требы. В беседах с крестьянами и богомольцами родилась идея создать в урочище Кипячее монастырь, и в 1917 г. во круг иеромонаха Константина стала образовываться монашеская община.

11 сентября 1918 г. Дидковский Матфей Иосифович подал прошение на имя митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого) с просьбой разрешить открыть в урочище Кипячее подворье афонского монастыря, назвав его в честь Преображения Господня. Владыка дал такое разрешение, и 26 сентября 1918 г. стал днём официального основания Преображенского мужского монастыря в урочище Кипячее.

25 мая 1920 г. Дидковский М.И. и общество «Ревнителю Православия» сёл Чоповичи, Мелени и Тростяница Малинской волости Радомысльского уезда Киевской губернии обратились к правящему архиерею Киевской епархии с просьбой утвердить Преображенский монастырь как самостоятельный и разрешить строительство домовою Преображенской церкви вместимостью 400 человек [17, 488об.].

13 декабря 1920 г. временно управляющий Киевской епархией епископ Черкасский Назарий (Блинов), vicарий Киевской епархии утвердил Кипяческий Спасо-Преображенский мужской монастырь самостоятельным.

В 1921 г. в монастыре построили Преображенский храм. По благословению епископа Назария (Блинова) протоиерей Яворский освятил престол [25].

В 1921 г. закончилась гражданская война (1918-1921). За это время Чоповичи 6 раз переходили из рук в руки противоборствующих сторон. Село обезлюдело и обеднело, крестьяне голодали, царил бандитизм, ширились эпидемии.

В ночь с 1/14 на 2/15 сентября 1921 г. на монастырь напал отряд банды Лисицы. В Преображенской церкви расстреляли настоятеля Константина (Чоповского Петра Ивановича), монаха Иракия (Скуратовского), рабочего Петра Шуку, сторожа Волкова Евгения Пантелеймоновича и подожгли храм. Раненый Волков пришёл в сознание и сумел спастись. Бандиты сожгли монастырь, пытались уничтожить часовню [35, 117]. На месте сожженного алтаря или за алтарной частью в одной могиле похоронили погибших. Их захоронение положило начало монастырскому погосту, на котором хоронили монахов обители, членов Казанской церковно-приходской общины и крестьян из окрестных сёл.

В 1921 г. братия обратилась с ходатайством к митрополиту Киевскому Михаилу (Ермакову) с просьбой разрешить восстановить Преображенский монастырь. Владыка «постановил восстановить всю обитель» [25]. Священник Чоповичской Троицкой церкви Евгений Безвенглинский освятил часовню на источнике как храм Казанской иконы Божией Матери [25]. Из 17-летней истории Преображенского монастыря 13 лет монастырским храмом был Казанский. С 1921 по 1927 гг. была произведена реконструкция часовни под храм, построена колокольня, имевшая 3 колокола.

В 1921-1934 гг. в урочище Кипячее действовала Казанская церковно-приходская община. Её существование позволило братии обители продолжить богослужебную жизнь, сохраняя монашеский образ жизни.

В 1922-1924 гг. в верхней части монастыря построили два монашеских дома, соорудили хозяйственные постройки [6, 506.].

В марте 1934 г. в урочище Кипячее была разрушена Казанская церковь. Источник, от которого берёт начало Спасо-Преображенский мужской монастырь, остался не тронутым. Братию Преображенского монастыря подвергли административной высылке за пределы Чоповичского района [14, 25об.]. Часть монахов и настоятель Рафаил поселились в с. Тростяница Малинского района.

Семнадцатилетняя история Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря разделяется на два периода:

Первый период (1917-1921) начинается с того времени, когда в урочище Кипячее поселился афонский иеромонах Константин (Чоповский), и завершается в 1921 г., когда монастырь был уничтожен. Его характерная особенность в том, что монастырь был основан и развивался в условиях гражданской войны. С 1918 по 1920 гг. обитель была подворьем афонского Иоанно-Златоустовского монастыря. С 1920 г. Кипяческий Преображенский монастырь становится самостоятельным. Настоятелем был иеромонах Константин (Чоповский).

С 1918 г. по 1921 г. обители пожертвовали более 12 гектаров земли. В южной (верхней) части монастыря построили монашеский корпус с домовою Преображенской церковью вместимостью 400 человек. В северной (нижней) части завершили строительство часовни над источником. Численность братии достигла 12 человек, были послушники и трудники [17, 493об.].

Второй период (1921-1934) начинается с того времени, когда братия решила возродить обитель, и завершается в 1934 г., когда обитель закрыли, а Казанскую церковь разрушили. Его характерная черта в том, что монастырь существовал в условиях политики ликвидации монастырей. Поэтому Преображенский монастырь существовал как хозяйственное объединение (артель или кооператив), сакральные постройки юридически принадлежали Казанской церковно-приходской общине. С 1921 по 1934 гг. в урочище

Кипячее существовала Казанская община численностью от 150 до 220 человек, состоявшая из крестьян сёл Чоповичи и Тростяница. Церковная община имела тесные связи с монашеской общиной. В храме служили иеромонахи монастыря, отмечались монастырские праздники. В народном сознании Казанский храм в урочище Кипячее воспринимался как храм Спасо-Преображенского мужского монастыря.

В южной (верхней) части монастыря были построены дома для монахов, хозяйственные постройки и открыто кладбище. В северной (нижней) части монастыря часовня над источником была переоборудована под Казанский храм вместимостью 60 человек.

Сохранялась богослужebная жизнь монастыря. В большие праздники могли служить две литургии – одну в Казанской церкви, другую – на месте сожжённого Преображенского храма. Вместе с паломниками и крестьянами окрестных сёл читались акафисты и молебны.

Обитель отмечала три монастырских праздника: Пятница 10-й недели по Пасхе, 29 августа/11 сентября – Усекновение главы Иоанна Предтечи, 22 октября/4 ноября – Казанской иконы Божией Матери.

Преображенская обитель не была тайной. Ещё до революции 1917 г. сложилась паломническая традиция сначала посещать источник, а затем Троицкий храм в Чоповичах, где хранилась обретенная в источнике икона Божией Матери. С открытием Преображенского монастыря «ещё большим потоком поплыли со всех концов паломники в Кипячее» [1, 88]. В радиусе 400 км крестьяне знали про монастырь и старались посетить его, помочь ему. Обитель принимала богомольцев из Черниговского, Киевского, Конотопского округов, Почаева, Белоруссии [14, 13]. На монастырские и церковные праздники сюда приходило от 200 до 6000 богомоллов, которые оставались в монастыре и в окрестных сёлах и хуторах.

Монахи Преображенской обители имели родственные и дружеские связи с жителями окрестных сёл, поддерживали добрососедские отношения. В монастырь приходили подростки, которые были послушниками.

Монастырь деятельно участвовал в общецерковной жизни страны. В годы церковных расколов монахи признавали патриарха Тихона (Белавина) и Киевского митрополита Михаила (Ермакова). Поддерживали тесные связи с соседними приходами. Если на соседних приходах священники подвергались репрессиям или отсутствовали, то обитель посылала служить на приход своего иеромонаха. Среди паломников и крестьян велась миссионерская и христианская просветительская работа.

За 17-летнюю историю Кипяческого Преображенского мужского монастыря настоятелями были:

1918-1921 гг. иеромонах Константин (Чоповский Пётр Иванович);

1921-1924 гг. игумен Николай;

1925-1934 гг. иеромонах Рафаил.

В обители подвизались 33 насельника, из них 22 монашествующих, 1 священник-миссионер и 10 послушников. Не представляется возможным показать динамику поступления и выбытия насельников.

Монастырь дважды строился, был широко известен и доступен. Это стало возможным благодаря сочетанию целого ряда факторов:

1. Глубокая религиозность крестьян Чоповичей, Мелени, Тростяницы и дальних сёл Полесья.

2. Согласно местным этно-культурным традициям Преображенский монастырь придерживался общинно-соседских отношений, традиции коллективизма, взаимопомощи.

3. Чоповичские органы власти доброжелательно относились к монашеской общине в урочище Кипячее.

4. Из-за гражданской войны и административной реформы в Малинской волости (затем районе) на протяжении 6 лет (1918-1927) последовательно не реализовывался декрет «Отделения церкви от государства». Преображенский монастырь выпал из поля зрения местных органов власти.

Попробуем создать духовный портрет тех крестьян, которые в годы гражданской войны создали Кипяческий Преображенский мужской монастырь. Монастырь родился в период глубочайшего кризиса общества, государства, шли фундаментальные перемены, порождавшие сильнейшие конфликты между отдельными людьми, социальными группами и политическими силами. Велись споры, по какому пути идти, как решить появившиеся проблемы. Считаем, что православные крестьяне, создавшие и поддерживавшие обитель, не были «как отрубь в решете среди непонятных им событий» [73, 57]. Создавая Преображенский монастырь, они давали ответ на насущные вопросы своего времени. Полагали, что их предки были сильны верой православной, и если сейчас поддержать и укрепить веру, то будут решены любые вроде бы «неразрешимые» проблемы [17, 490]. В их понимании совместно с монастырём можно было достичь поставленной цели.

Поступки создателей монастыря основывались на христианском мировоззрении и преследовали цель: преодоление упадка веры, возвращение «страха Божия перед Божиими и церковными законами» [17, 490]. Открытием монастыря они стремились также:

1. Поддержать веру и благочестие в крестьянах «окружающей местности».
2. Благоотворно влиять на молодёжь, которая потеряла веру.
3. Возродить доступность монастырского богослужения для благочестивых крестьян.
4. Преодолеть влияние сектантства, получившего широкое распространение в сельской местности.

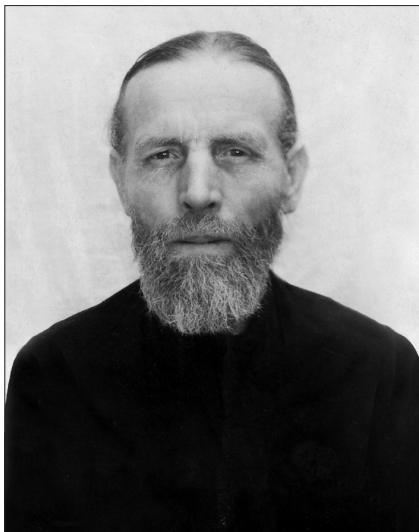
Деятельность Кипяческого Спасо-Преображенского мужского монастыря отразилась и на общественном сознании. Для народного сознания особое значение монастыря было в том, что он был основан у святого источника и имел духовную связь с Афоном. Среди православных крестьян Афон, место священное, пользовался большим духовным авторитетом. Они считали, что земля, которая была присоединена к святому источнику, тоже не была личной или частной собственностью, но землёй обители святого Афона, т.е. земля Божья, святая. Считаем, что это мотивировало других крестьян жертвовать свою землю обители. Характер воспоминаний, их смысловой оттенок говорят о том, что крестьяне считали Преображенский монастырь своей святыней. Кипяческий Спасо-Преображенский мужской монастырь стал материальным воплощением православного мировоззрения полесских хлеборобов.

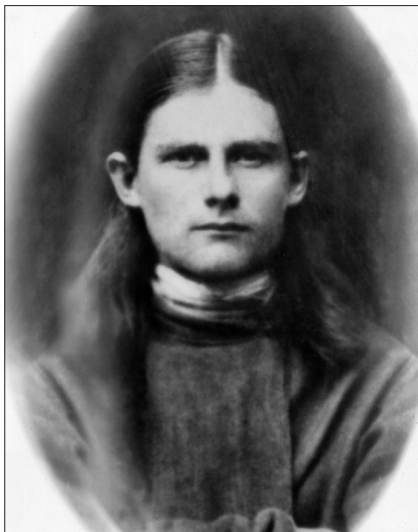
Иеромонах Константин (Чоповский П.И.) – основатель и первый настоятель Преображенского монастыря в урочище Киячее.

Фотография сделана в 1916-1918 гг.

Иеродиакон Моисей (Кириченко М.П.) – в 1920-1928 гг. эконо́м Преображенского монастыря.

Фотография сделана в 1949 г.

Невмержицкий Павел Иосифович – в 1920-1930 гг. послушник Преображенского монастыря.

Фотография сделана в 20-е гг. XX ст.

Источники

1. Сніжко М. Нищення святинь: Чоповичі, Кип'яче / М. Сніжко // Літопис Волині. – Нью-Йорк, 1955. – Р. 2, чис. 2.
2. Сказания о населенных местностях Киевской губернии, или Статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся / Собрал Л. Похилевич. – Біла Церква: Видавець О.В. Пшонківський, 2005. – XXII+642 с.: 8 іл. – 638 с.
3. Список населенных мест Киевской губернии. Издание Киевского Губернского Статистического Комитета. – Киев, 1900.
4. Доклады Радомысльской уездной земской управы третьему очередному уездному земскому собранию 1913 г. Часть 2-ая. – Радомысль: типография Э.І. Заездного, 1913.
5. Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. ЖИТОМИРСЬКА ОБЛАСТЬ / Ред. кол. тому: Чорнобривцева О.С. (гол. редкол.), АН УРСР. Інститут історії. – К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1973. – 752 с.
6. Государственный архив Житомирской области (далее ГАЖО). – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 23171.
7. Кальченко Т.В. Монархическое движение в Киеве и на территории Киевской губернии (1904-1919). Историческая энциклопедия. – Киев: Изд-во «Интерконтиненталь-Украина», 2014. – 976 с.
8. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. – М., 2003. – 480 с., 11 табл.
9. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее ЦГАОО Украины). – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 437.
10. Сівко О. Картини темного життя на селі. // «Серп и Молот». – Радомысль, 1922. – №12. – 18 сентября.
11. ГАЖО. – Ф. Р-1657. – Оп. 5. – Д. 65.
12. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 2. – Д. 1271.

13. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 2. – Д. 20.
14. ГАЖО. – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 13423.
15. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 1. – Д. 1273.
16. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Ширченко Анной Филиппов-ной (1921 г.р.).
17. ГАКО. – Ф. Р-4752. – Оп. 1. – Д. 1-а.
18. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополи-та Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т.Т. Манохиной. – М.: Московский рабочий, 1994. – 621 с.
19. ГАЖО. – Ф. Р- 22275. – Оп. 1.
20. Национальная библиотека Украины. ОР. – Ф. 236. – Д. 6. – Тетрадь 2.
21. Новини // Народно діло. – Радомисль, 1917. – №28. – 23 серпня.
22. О митрополите Антонии // Волянсь. – Житомир, 1918. – №44. – 6 марта (утреннее издание).
23. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 2. – Д. 1266.
24. Государственный архив Киевской области (далее ГАКО). – Ф. Р-4752. – Оп. 5. – Д. 313.
25. Архив Житомирской епархии УАПЦ (МП). – Дело иеродиакона Максима (Ки-риченко М.П.).
26. ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 435.
27. ГАЖО. – Ф. 2529. – Оп. 2. – Д. 25.
28. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Белошицким Демьяном Ми-хайловичем (1916 г.р.) с. Мелени Коростенского р-на Житомирской обл.
29. Центральный государственный исторический архив Украины (далее ЦГИА Украины, г. Киев). – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 295.
30. ЦГАОО Украины – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 443.
31. Москвін П.П. Розгром петлюрівського бандитизму на Волині у 1921-1922 роках. // До історії боротьби за відбудову народного господарства Волині (1921-1925 рр.). Наукові записки. – Том. XIII, вип. 2. – Житомир: Видання ЖДПІ ім. Ів. Франка, 1961.
32. ГАЖО. – Ф. 2529. – Оп. 2, – Д. 143.
33. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦГАВОВ Украины). – Ф. 3204. – Оп. 1. – Д. 17.

34. Білобровець Р.М. Державне будівництво і опозиційні військові формування на Волині в 1920-1923 рр. Актуальні проблеми історії і літератури Волині та Київщини. – Житомир: «Волинь», 1999 р. – Т. 2. – 456 с.
35. ЦГАВОВ України. – Ф. 3204. – Оп. 2. – Д. 11.
36. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов; Ред. кол.: Н.Н. Азовцев, Е.Г. Гимпельсон, П.А. Голуб и др. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 704 с., ил., 24, ил. и 4 л. карт.
37. Червоний терор проти духовенства і віруючих на Східній Волині (Житомирщині) у 20-30-х роках ХХ ст. Архівні документи та матеріали / Упорядник С.І. Жилюк. Рівне: Волинські обереги, 2003. – 153 с. Ссылка на ГАЖО. – Ф. П 85. – Оп. 1. – Д. 179. – Л. 21-23об.
38. Диакон Илья Соловьёв От издательства // Священник Дмитрий Шиленок Из истории Православной церкви в Белоруссии (1922-1939) («Обновленческий» раскол в Белоруссии). – Москва, 2006. – 217 с.
39. Червоний терор проти духовенства і віруючих на Східній Волині (Житомирщині) у 20-30-х роках ХХ ст. Архівні документи та матеріали / Упорядник С.І. Жилюк. – Рівне: Волинські обереги, 2003. – 153 с. Ссылка на ГАЖО. – Ф.П. 85. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 41об.
40. ЦГАВОВ України. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 196.
41. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 1. – Д. 1266.
42. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Фещенко Адамом Петровичем, с. Чоповичи Малинского р-на Житомирской обл.
43. ГАЖО. – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 13929.
44. ГАЖО. – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 9084.
45. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 1. – Д. 1274.
46. ЦГАВОВ України. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 1065.
47. Адміністративний Кодекс УРСР Правила про культу // Законодавство про релігійні культу. Київ: Політична література України, 1973. – 261 с.
48. Декрет Ради Народних Комісарів України від 17 травня 1919 р. ч. II, ст. 38. // Законодавство про релігійні культу. – Київ: Політична література України, 1973. – 261 с.
49. Братко Н.Д. Правові засади функціонування Української автокефальної православної церкви 1920-х рр. / Н.Д. Братко // Православ'я – наука –

- суспільство: питання взаємодії: Матеріали П'ятої Міжнародної наукової конференції (24-25 травня 2007 р.) / Нац. Києво-Печер. іст.-культ. заповідник, Академія ім. Яна Длугоша, м. Ченстохов; Ред. рада: Кроловець С.П. (голова) та ін. – Київ: НКПІКЗ, «Фенікс», 2008.
50. ГАЖО. – Ф. Р-363. – Оп. 1. – Д. 1269.
51. ГАЖО. – Ф. 2529. – Оп. 2. – Д. 230.
52. Протоиерей Вадим Шапран Свято-Троїцький монастирь в с. Полевая Слободка // Православна Житомирщина. – Житомир, 2007. – №3(107).
53. Дятлов В. Церковщина. Повесть о забытой киевской святыне. – Киев, 2001. – 400 с. с илл.
54. ЦГАВОВ України. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 345.
55. ГАЖО. – Ф. Р-31. – Оп. 1. – Д. 83.
56. ЦГАВОВ України. – Ф. 1. – Оп. 8. – Д. 128.
57. Адміністративно-територіальний устрій Житомирщини: 1795 – 2006 роки: довідник: офіційне видання / Голова редкол. І.О. Рафальський. – Житомир: Волинь, 2007. – 620 с.
58. ГАЖО. – Ф. Р-1820. – Оп. 2. – Д. 228.
59. Чавкин И.В. Традиции коллективизма, взаимопомощи и благотворительности в общественной жизни сельского населения Восточного Полесья в XIX-XX вв. // Этно-культурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем. – Минск, 2010. – 466 с.
60. Архив УСБУ в Житомирской обл. – Д. 2939-п.
61. Архив Александрова И.В. Интервью с респондентом Маркевич Евой Ивановой, с. Мелени.
62. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Ольгой, с. Тростяница Малинского района Житомирской обл.
63. ГАЖО. – Ф. Р-5013. – Оп. 2. – Д. 14340.
64. Александров И.В. Насажение органами советской власти обновленческого раскола в Волынской епархии 1922-1926 гг. / И.В. Александров // Православ'я – наука – суспільство: питання взаємодії: Матеріали П'ятої Міжнародної наукової конференції (24-25 травня 2007 р.) / Нац. Києво-Печер. іст.-культ. заповідник, Академія ім. Яна Длугоша, м. Ченстохов; Ред. рада: Кроловець С.П. (голова) та ін. – Київ: НКПІКЗ, «Фенікс», 2008.

65. Государственный архив СБУ. Протоколы ОС при Коллегии ГПУ УССР №54/137, п. 26.
66. Константин Никольский, прот. Руководство к изучению богослужения Православной Церкви. – Москва, 2002. – 336 с.
67. Краткое объяснение Всенощной, Литургии или обедни. Составитель прот. И. Бухарев. Репринт. – Москва, 1991. – 186 с.
68. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Фещенко О.Ф.
69. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Иваненко Ольгой Сергеевной, с. Мелени.
70. Бовсунівський А.О. Ревнитель православної віри. Спогади. // «Промінь». – Лугини, 2000. – №30. – 21 липня.
71. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Фещенко Ульяной Сергеевной (1925 г.р.).
72. Архив Маркевич Е.И. Интервью с респондентом Фещенко М.Ф.
73. Русь уходящая // Есенин Сергей. – Москва, 1959. – 64 с.

Оглавление

Предисловие.....	3
Глава 1. Знаменательное событие в урочище Кипячее	5
1.1. Село Чоповичи в начале XX ст.....	5
1.2. Обретение иконы Божией Матери в урочище Кипячее	8
Глава 2. Первый период в истории Кипяческого Преображенского монастыря (1917-1921).....	13
2.1. Исторические перемены (1917-1921).....	13
2.2. Основание Преображенского монастыря (1917-1920).....	15
2.3. Разорение обители (1921 г.).....	22
Глава 3. Второй период в истории Кипяческого Преображенского монастыря (1921-1934).....	31
3.1. Исторические перемены (1921-1934).....	31
3.2. Восстановление монастыря (1921-1927).....	35
3.3. Кипяческая Казанская церковно-приходская община (1921-1934).....	39
3.4. Местные исторические обстоятельства, позволившие развиваться монастырю (1921-1934)	49
3.5. Разрушение Преображенской обители (1934).....	61

Глава 4. Повседневная жизнь Преображенского монастыря (1917-1934).....	68
4.1. Участие монастыря в общецерковной жизни.....	68
4.2. Богослужебная жизнь монастыря.....	71
4.3. Социальные связи монастыря.....	76
4.4. Хозяйственно-экономическая деятельность	80
Глава 5. Архитектурный облик монастыря (1917-1934)	83
5.1. Архитектурный вид северной части монастыря (1915-1934).....	84
5.2. Первая застройка южной части монастыря (1917-1921).....	88
5.3. Вторая застройка южной части монастыря (1921-1934).....	93
Заключение.....	97
Источники	106